

!

Д оди С м и т

Моя
Первая
Библиотека

НОВЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ДАЛМАТИНЕЦЕВ

Доди Смит

НОВЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ДАЛМАТИНЦЕВ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2016

~~БПК 82-93~~

~~ББК 84.7 Вл~~

~~C50~~

6+

Перевод с английского Татьяны Чернышевой

Иллюстрации Кристины Барановской

Дизайн обложки Владимира Ноздрина

Smith D.

C50 Новые приключения Далматинцев : Повесть /
Пер. с англ. Т. Чернышевой. СПб.: ООО «Книжная
лаборатория», 2016. — 192 с. : ил. — (Моя первая
библиотека).

ISBN 978-5-4453-1026-6

D-CHF-1149-B241-01

После всех приключений, которые пришлось пережить
знаменитым Далматинцам, вся собачья семья счастливо
жила в огромном поместье со своими хозяевами. Но в
одно прекрасное утро собачьи миски оказались пустыми,
все лавки и магазины оставались закрытыми, а на улицах
города царила странная тишина. По какой-то необъясни-
мой причине все люди беспробудно спали в своих посте-
лях, и это было очень похоже на колдовство. Старший из
далматинцев, Понго, был бы рад, если к этому случаю ока-
залась причастна злодейка Круэлла де Вил, но как выясни-
лось, причиной всему был кое-кто более могущественный.

УДК 82-93

ББК 84.7 Вл

Smith D.

The starlight barking © by Dodie Smith
All right reserved
Published by arrangement with Film Rights Limited

ISBN 978-5-4453-1026-6

© Чернышева Т. Н., перевод, 2016

© Барановская К., иллюстрации,
2016

© ООО «Книжная лаборатория»,
2016

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Загадочный сон

Не так давно жили-были в Саффолке знаменитые Далматинцы — те самые, чьи приключения звягновали почти всю Англию. А приключения их начались, когда одна очень неприятная женщина по имени Круэлла де Вил решила создать собачью ферму для далматинских догов, чтобы шить из них пальто. Ферму она устроила в своем старом заброшенном поместье, прозванном в округе «Ад-Холл», и ее помощники привезли туда девяносто семь щенков.

Пятнадцать из них были щенками, родившимися у — тогда недавно — поженившихся Понго и Миссис Понго, которые жили в Лондоне в одном доме с — тоже недавно — поженившимися миссис и мистером Душечка. Отправившись на поиски детей, Понго и Миссис спасли, конечно, не только своих, а всех, и все вместе вернулись к Ду-

шечкам. Через некоторое время они, тоже все вместе, переехали жить в тот самый Ад-Холл, который Круэлла продала Душечкам очень задешево, потому что после скандала торопилась поскорее уехать из Англии. С того времени Ад-Холл стал самым счастливым местом на земле. Душечки там всё переделали и перекрасили, и он снова превратился в Сад-Холл, по мнению Душечек, почти идеальный. (Для совсем идеального он был все же немного для них тесноват и слегка черезчур шумноват.)

Дела у Душечек шли хорошо, хотя забот хватало, а главная забота состояла в том, что девяносто семь щенков оставались щенками недолго. Они быстро выросли и быстро обзавелись каждый своей прекрасной семьей. Мистер Душечка (который лучше всех разбирался в арифметике) однажды сказал, что через некоторое время у них будут жить не сто один далматинец, а тысяча и один, а еще через некоторое время и еще больше. Так что, хотя Сад-Холл был поместьем немаленьkim, для ста с лишним крупных догов не хватало места и там. А Душечки, несмотря на тесноту и хлопоты, слышать не хотели о том, чтобы с кем-то расстаться.

Потом прошло еще некоторое время, и кое-кто из подросших щенков стал проявлять нешуточ-

ный интерес к тому, что находится за оградой поместья. Они всячески давали это понять. То пытались перепрыгнуть через стену и падали, то хотели прописнуться сквозь прутья ворот и там застревали. И очень, просто даже слишком, интересовались гостями из собачьих контор. В конце концов, Душечки сообразили, что каждый из этих подростков хочет найти своего человека, который любил бы именно их и только их. (Как ни обожали их Душечки, они все же не могли любить всех одинаково.) Так что в один прекрасный день мистер Душечка дал в газету объявление, которое гласило, что несколько далматинских собак из их знаменитого семейства ищут новый дом для постоянного проживания.

В ответ на объявление немедленно пришли десятки откликов. Так что пришлось мистеру Душечке открыть в ближайшей деревне маленькую гостиницу, чтобы кандидатам было, где жить, пока собаки к ним присматриваются и принюхиваются. Вскоре несколько десятков щенков разъехались по своим новым семьям в самых разных уголках Англии, но спрос все же не превышал предложения, потому что сто с лишним Далматинцев не собирались выбирать никого, кроме Душечек. Остались, конечно, Понго и Миссис. Что же касается их детей, то среди них сменить семью

решила лишь одна девочка. Она вскоре стала в Англии самой известной из всех Далматинцев. Но о ней немного позднее.

Не помышляли о переменах и коричневые Далматинцы, Принц и Пэдди, а также сбежавшая от Круэллы де Вил кошка, которая в Сад-Холле удачно вышла замуж за такого же белоснежного перса. Теперь, когда у них появлялись на свет прелестные детки, котят никто никогда не топил, и Душечки находили семью для каждого ребенка.

За всей этой прекрасной компанией присматривали Няня Повар и Няня Мажордом. Им-то даже в голову не пришло оставить своих Душечек.

Вот теперь, когда мы все о них знаем, можно приступать к рассказу о новом приключении Далматинцев.

Однажды, одним жарким утром в самой середине лета, Понго проснулся позже обычного и, наверное от этого, почувствовал себя слегка виноватым. Но, как оказалось, проспал не он один. Рядом с ним в своей корзинке спала его обожаемая жена Миссис, элегантно свесив свою изящную лапу, немножко подрагивавшую во сне, будто Миссис куда-то бежала. У стены напротив так же крепко спали Принц и Пэдди. У окна спали «персы». Спали в своих постелях мистер и миссис Душечка. А из окна, снизу, из бывших конюшен, где стойла те-

перь превратились в уютные собачьи домики, не раздавалось ни звука. А ведь если бы Понго и в самом деле заспался, там стоял бы ужасный шум.

Потому Понго немедленно успокоился, хорошенько потянулся и — так как спать ему уже не хотелось ни капельки — решил заняться подсчетом всего хорошего в своей жизни. Такая мысль пришла ему в голову еще вечером, когда они все вместе — с Душечками, Миссис, Пэдди и Принцем — пошли на прогулку. К тому времени все, кто жил в конюшне и в кухне, уже улеглись (каждый получил свой вечерний бисквитик на ночь), а они вывели Душечек еще разок пройтись перед сном. И вот они шли и любовались звездами, и Понго с удивлением узнал, что одна из них называется Собачьей Звездой*.

— В июле она светит особенно ярко, — сказал мистер Душечка. — Кстати, июльскую жару ведь и называют Собачьей Жарой.

— Из-за этой звезды? — удивилась миссис Душечка.

— Может быть, да. Наверняка я знаю только, что в Древнем Риме считалось, будто июльская жара наступает, когда Собачья Звезда близко подходит к Земле, и тогда ее жар добавляется к солнечному и начинается самое пекло.

* Так с давних пор в Англии называют Сириус.

— Наверное, так оно и есть, — сказала миссис Душечка. — Звезда такая яркая, просто будто рукой подать, и жара — ужас.

В тот момент Понго вдруг вспомнилась другая яркая звезда, которая указывала им путь в другой день, совсем не в июльский. День был холодный-прехолодный, а они вдвоем с Миссис вели щенков в Лондон по заснеженным полям и дорогам. А за ними гналась, в своей огромной страшной черно-белой машине Круэлла де Вил. Но с тех пор, как они вернулись домой, ничего плохого в их жизни больше не случалось. Именно об этом и подумал Понго, прогуливаясь под звездами. И вот теперь, лежа в своей корзинке в спальне среди своей мирно спавшей семьи, он решил подсчитать всё хорошее, что у них теперь есть.

Они теперь никогда не бывают голодными, им тепло, есть крыша над головой, и — что самое важное — здесь их любят (хотя известно, одной любовью сыт не будешь). Значит, у них есть все, что нужно собаке, это очевидно. Почему же тогда он временами не чувствует себя счастливым? В чем причина? Жизнь в Сад-Холле скучной не назовешь, у них полно развлечений: качалки, качели, небольшая, но прочная карусель, в пруду — почти настоящий фонтан. К тому же Душечки часто вывозили семью на природу, для чего нани-

мали два автобуса. Тем не менее, разве ему не становилось немножко грустно каждый раз, когда он смотрел сквозь прутья ворот, как очередной юный Далматинец с гордостью ведет на поводке только что обретенного *своего человека* под дружелюбный лай и пожелания счастливого пути? Еще даже как становилось. Вот и сейчас, едва вспомнив об этом, Понго снова почувствовал, что ему стало грустно, и причем совсем не немножко.

Ну и ну! Называется, вспомнил про всё хорошее! Понго тряхнул головой. Чепуха это все, он никогда не ушел бы от своих Душечек. Ни за что на свете. И совсем ему даже не грустно. Он счастливый пес — можно даже сказать, на редкость счастливый, — и сейчас вот-вот начнется новый, на редкость счастливый день... Между прочим, почему же он до сих пор не начался? Кто-нибудь в этом доме собирается наконец просыпаться?

В этот момент Понго услышал, как часы на копьюшне бьют четверть. Душечки всегда просыпались в семь тридцать, и потому Понго решил, что это четверть восьмого. Но такого быть не могло, потому что солнце уже поднялось высоко — Понго видел его в открытое окно. Ночью было так жарко, что Душечки раздвинули занавески.

Тогда Понго вскочил, выглянул в окно и посмотрел на часы. Он не поверил глазам и бросился

будить Миссис. Он ее поцеловал — то есть ткнулся носом в ее нос, — и она мгновенно проснулась.

— Неужели я проспала? Быть не может! — удивилась Миссис.

— Да, проспала, и не ты одна, — сказал Понго. — Будь любезна, скажи мне, сколько времени?

— С большим удовольствием, — радостно сказала Миссис.

Она очень гордилась тем, что умела определять время по часам, и огорчалась, когда ее никто об этом не спрашивал. (А спрашивали ее редко потому, что Миссис путала стрелки — часовую и минутную.)

Миссис подошла к окну, внимательно посмотрела на часы, а потом сказала:

— Сейчас либо четверть одиннадцатого, либо без десяти три.

— Четверть одиннадцатого, — подтвердил Понго. — Но мы никогда не спим так долго. Почему же наши Душечки не просыпаются?

Миссис с тревогой повернулась к постелям.

— Может быть, они заболели?

— Вид у них совершенно здоровый.

— И дышат ровно, — согласилась Миссис. — Вдох... выдох... вдох... выдох... Отличное ровное дыхание... Миссис Душечка улыбается.

— Мистер Душечка тоже будто вот-вот улыбнется... Ну конечно! Вот! Улыбнулся!

— Наверное, им снится что-то хорошее, — сказала Миссис. — Просто жалко будить. Хотя, помоему, пора.

В этот момент проснулись Принц и Пэдди, и Понго с Миссис быстро рассказали им, что происходит. Те тоже решили, что Душечек пора будить.

— Хотя вообще-то они этого не любят, — сказал Принц, который среди них отличался особой деликатностью.

— Но сегодня нам придется это сделать, — твердо сказала Миссис. — У нас внизу две кормящие мамы, которым давно пора дать поесть.

— В самом деле, — сказала Пэдди. — А я обещала им помочь вымыть щенков.

Пэдди умела мыть щенков лучше всех в доме.

— К тому же у нас есть дети, которым пора завтракать, — сказал Понго. — Не понимаю, почему они еще не подняли лай. Да, действительно, нужно будить. Только поосторожней.

С этими словами Понго, а за ним Принц подошли к мистеру Душечке. А Миссис, а за ней Пэдди подошли к миссис Душечке. Они встали рядом и шепотом залаяли, а потом легонько толкнули Душечек в бок.

Душечки не проснулись.

Тогда Далматинцы залаяли чуть-чуть громче и немного сильнее толкнули Душечек в бок.

Но Душечки не проснулись.

Далматинцы залаяли во весь голос и толкнули в бок хорошенъко.

А Душечки продолжали спать.

— Придется лизнуть, — сказал Понго.

Он знал, что при всей своей любви к собакам Душечки очень не одобряют, если их лижут в лицо, они считали это чрезмерным проявлением чувств и норовили от него увернуться. Но сейчас Понго храбро нарушил правила. А Душечки все равно продолжали спать и улыбаться. Тем Понго и утешился. Пусть они не просыпаются, но хоть снится им что-то приятное.

В этот момент Миссис случайно задела кошачью корзинку и молниеносно отпрыгнула в сторону. Кошки у них были замечательные, но всегда готовые к обороне, и кто бы их за это осудил, если они жили в доме, полном собак? Потому-то Миссис и испугалась, что получит сейчас по лапам. Но кошки и ухом не повели.

— Очень странно, — сказала Миссис.

Она постояла, постояла, подумала, потом осторожно тронула кошеч лапой. Те лишь едва выпустили коготки, и... продолжали спать.

— Может быть, няни проснулись, — сказала Пэдди. — Пойдемте посмотрим.

— Хорошо бы, — сказал Понго. — Только вот как выйти из комнаты.

Он прекрасно умел открывать крючки и за-движки, но на двери в спальне была круглая ручка с защелкой, а такую ручку не может открыть ни одна, даже самая умная собака. Понго решил, что придется им теперь сидеть в комнате до тех пор, пока кто-нибудь все же не проснеться. Но когда он посмотрел на дверь второй раз, то заметил, что та приоткрыта. Видимо, ночью из-за духоты это сделали Душечки. Принц и Пэдди первыми сорвались с места и побежали в кухню.

А Понго с Миссис снова попытались разбудить Душечек, и на этот раз даже куснули их за ухо — осторожно, но весьма ощутимо... Только Душечки и этого не почувствовали. Они продолжали спать.

Миссис подошла к открытому окну, посмотрела на залитый солнцем двор. Постояла, а потом сказала:

— Понго, подойди сюда. Пожалуйста, встань рядом со мной и послушай!

Он подошел и встал рядом, но совершенно ничего не услышал. Он так и сказал.

— Вот и я о том же, — сказала Миссис. — Никогда не думала, что тишина может быть такой оглушительной.

— Конечно, не может, — сказал Понго. — Хотя, кажется, я понимаю, что ты имеешь в виду.

Он прислушался еще разок.

— Миссис! Птиц тоже не слышно.

— Потому что птицы молчат, — сказала Миссис. — Обычно я их не замечаю, но... Как ни странно, отсутствие пения заметней, чем пение.

Тут вернулись Принц и Пэдди и сказали, что няни тоже спят и что их тоже не добудиться.

— Мы старались, — сказала Пэдди. — Мы даже попрыгали на кроватях.

— Что будем делать? — сказал Принц, глядя на Понго. Он и сам был умным и храбрым псом, но никогда не попадал в переделки, как Понго, и потому полностью признавал его авторитет.

А сам Понго вдруг в себе усомнился. Ему давно не приходилось принимать важных решений. Что, если он разучился это делать?.. На мгновение ему показалось, что он поглувел — это он-то, один из лучших умов Собачьего Мира!

Он сам удивился этому и решил все равно не сдаваться. И ответил как можно тверже:

— Для начала нужно выяснить, на кого распространился этот загадочный сон. Мы с Миссис сбегаем на ферму.

На самом деле ему хотелось посоветоваться со старым Генералом, самым умным псом из всех, кого знал Понго, и не только среди пастухов.

— А нельзя ли поговорить с ним отсюда? — сказала Миссис.

— Нет, — сказал Понго. — Если мы начнем лаять, то перебудим всех собак в Сад-Холле, а кто даст им завтрак?

Люди иногда считают, будто собак достаточно кормить раз в день, главное, чтобы досыта. Но Душечки знали, что есть *два* раза в день интереснее, и потому у них далматинцы привыкли получать утром хороший, легкий, но питательный завтрак, а вечером — хороший сытный обед. Разумеется, это правило не распространялось на малышей, которых кормили пять раз в день. Именно о них и беспокоилась сейчас Миссис. Она предложила разбудить их и накормить — и грудничков, и тех, кого уже кормили хлебом, размоченным в молоке.

— Мы не сможем дать им молока, — сказал Понго. — Я не умею открывать большой холодильник. Попозже мы с Принцем откроем банки с печеньем, чтобы взрослые могли хоть немного перекусить. Но мы не сможем накормить детей и кормящих мам, тут нам нужна помощь.

— Значит, придется ее найти, — сказала Миссис.

Понго выдал Принцу необходимые указания:

— Если собаки начнут просыпаться, вы с Пэдди объясните всё им. Позаботьтесь, чтобы не поднялось паники. Скажите, что мы скоро вернемся. В крайнем случае, позовите нас лаем. И присматривай за Душечками. Я на тебя рассчитываю.

Принц гордо поднял голову. Он вошел в их семью, став сто первым далматинцем, когда украшенные дети уже нашлись, и потому лишь мечтал об опасностях.

К тому же, он был благодарен Понго за то, как тот без всякой ревности его принял и разрешил вместе заботиться о Душечках.

— Можешь на меня положиться, — твердо сказал Принц.

— На тебя и, конечно же, на Пэдди, — ласково добавила Миссис.

Миссис полюбила Пэдди, и хотя та, со своей манией чистоплотности, без конца кого-то вылизывавшая — и щенков, и людей, если они не успевали увернуться, — порой казалась глуповатой, но Миссис искренне к ней привязалась.

— В таком случае, мы уходим, — сказал Понго.

Они побежали по лестнице вниз, и тут Понго вспомнил, что не умеет открывать входную дверь. Давненько ему не приходилось толкать носом кухонное окно. Оставалось надеяться, что он не

утратил навык. Но внизу оказалось, что и входная дверь немного приоткрыта.

— Надо же, как повезло, — сказал он, и они с Миссис, не раздумывая, стремглав понеслись в сад.

Понго думал попасть за ограду через Каприз — тем самым путем, каким их вел Генерал в те дни, когда Ад-Холл был вражеским станом. Но, взглянув на высокие железные ворота парадного въезда, он увидел, что и они не закрыты. О чем только Душечки думали вчера? Обычно ворота на ночь у них всегда не только плотно закрывались, но еще и запирались на замок.

А на этот раз между створками осталась изрядная щель. Миссис посетовала, что щель узковата, и сказала, что боится застрять. Но едва они приблизились, как ворота сами собой широко распахнулись.

— Спасибо ветру, — сказала Миссис, выбегая на дорогу.

Тут ворота у них за спиной захлопнулись.

— Очень странно! Ветер сегодня дует то туда, то сюда, — сказала Миссис.

— Ветра нет, — сказал Понго.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Новости с Даунинг-стрит

Он был совершенно прав. В воздухе не чувствовалось ни малейшего дуновения. И его неподвижность, как и полная тишина вокруг, были в высшей степени странными.

— Ветра нет, везде тихо, птицы не поют, мухи не жужжат, — сказала Миссис. — Посмотри-ка, и листья не шевелятся, и трава. Но мне это, кажется, нравится. К тому же, бежать сегодня как-то необыкновенно легко.

— Наверное, потому что ты не позавтракала, — сказал Понго. — Нужно было все же найти для тебя бисквитик.

— Не хочу я бисквитика... Со мной все в порядке. Я просто не хочу есть.

— Дорогая Миссис, для тебя это мировой рекорд, — сказал Понго.

Миссис улыбнулась. У нее всегда был отменный аппетит, над ним даже все подшучивали.

— Послушай, я в самом деле совсем не голодная... Знаешь что! Когда наши проснутся, они тоже не почувствуют голода!

— Нельзя делать подобные выводы только потому, что тебе самой не хочется есть, — сказал Понго.

— Да, но если даже я не думаю о еде, то и они не будут, разве нет? В любом случае, обойдутся разок без завтрака. А ты, Понго, хочешь ли ты есть?

— Нет. Но я не хочу, потому что мне не до того. Всё это очень меня беспокоит.

— А по-моему, беспокоиться не о чем. Всё очень необычно — что правда, то правда, — зато интересно. Даже, кажется, весело... Помнишь, ты уговорил меня прыгнуть в наш фонтан? Когда я вдруг поднялась на струе воды, я посмотрела вниз, и мне не было страшно, потому что рядом на берегу был ты, и Душечки, и в конце концов, я умею плавать. Это было в общем довольно приятное чувство, и сейчас я чувствую что-то похожее... Кстати, о плаванье. Сегодня мы будто бы не бежим, а плывем по воздуху.

— Да, действительно... Теперь, когда ты об этом сказала, и я тоже почувствовал...

Понго чувствовал, что и он словно не бежит, а летит по воздуху, и это было до того очевидно, что он не заметил такой странности только потому, что голова у него была занята другими мыслями. Впрочем, больше, чем загадочный сон, его пугала вероятность оказаться в этой истории не на должном уровне.

Миссис заметила на лугу двух спящих лошадей.

— Дыхание ровное... — начала было она и вдруг остановилась. — Понго, смотри!

Она показала на крохотное гнездышко в траве, где, свернувшись в клубок, мирно спала полевка.

Понго поспешно сказал:

— Миссис, дорогая, мы торопимся.

Все в доме знали, что Миссис обожает охотиться на полевых мышей.

Миссис гордо подняла голову.

— Неужели ты думаешь, что я способна напасть на спящую крошку? Мне нравится гоняться за мышами, когда они убегают. Тогда они похожи на заводные игрушки.

Наконец показались здания фермы, а вскоре Понго и Миссис увидели, что там тоже кое-кто не спит, как и они. Это был старый пастуший пес по имени Генерал, который уже спешил им навстречу, причем на удивление резво, хотя был далеко

немолод, космат (из-за своей косматости он казался еще крупнее) и давно страдал одышкой.

В те времена, когда Миссис и Понго с ним познакомились, он был Полковником. Но после операции по спасению щенков произвел себя в Генералы, и сделал это вполне заслуженно. А с тех пор, как Душечки перевезли Далматинцев в Саффолк, стал часто прибегать к ним в Сад-Холл, и они все подружились. Увидев Понго с Миссис, Генерал остановился и сказал:

— А я бежал к вам. Но, друзья мои, раз вы здесь, значит, и у вас дома творится неладное?

— Выходит, и на ферме все спят и не могут проснуться? — сказал Понго.

— Все до единого, включая малыша Томми, который обычно просыпается раньше всех. Спят не только люди. Идемте, сами увидите.

Он повернулся и побежал вперед. Понго с Миссис последовали за ним и вскоре увидели, что спят утки в пруду, спят куры в курятнике, спят голуби на коньке амбарной крыши. Из свинарника доносилось тихое похрапывание, зато в коровнике стояла полная тишина. Миссис побежала к коровам проверить, все ли с ними в порядке. С тех пор, как коровы напоили своим молоком голодных щенков, она прониклась к ним самыми теплыми чувствами.

— Я пытался разбудить своих овец на пастбище, — сказал Генерал. — Бесполезно. А теперь пойдемте, поглядите на миссис Прутник.

Следом за ним Понго с Миссис прошли в кухню. Пестрая кошка крепко спала в своей корзинке.

— Никогда еще она меня не подводила, — сказал Генерал. — Она, я бы сказал, больше похожа на собаку, чем на кошку. А тут... Поверить не могу...

Он пнул корзинку и скомандовал по-военному:

— Майор, подъем!

А потом попросил жалобно:

— Пуська, пожалуйста, проснись!

Но пестрая кошка продолжала спать.

Понго сказал:

— Ну, Генерал, вам пришлось хуже, чем нам с Миссис. Нам, по крайней мере, было с кем обсудить это происшествие: у нас есть Принц и Пэдди.

Кроме Генерала, на ферме не было ни одной собаки.

— Да уж, честно говоря, не знаю, как и сказать, до чего я обрадовался, когда вас увидел. Не то, чтобы мне было страшно... я же видел, что все здоровы, — Генерал повернулся к Миссис, — но все-таки мне было бы спокойней, если бы вы

взглянули на Томми своим женским глазом.

Они прошли в комнату Томми. Ребенок спал всё в той же детской кроватке и, хотя он уже не играл с голубой тележкой, которую одолжил далматинцам, когда те возвращались в Лондон, она по-прежнему стояла на шкафчике с игрушками. Миссис взглянула на нее с благодарностью. Потом она осмотрела Томми и подтвердила, что малыш абсолютно здоров.

— Щеки румяные, дыхание спокойное.

— Он такой умный, — сказал Генерал, с гордостью показал на книжки, которые лежали на столике возле кровати.

— Неужели он уже научился читать? — удивился Понго.

— Нет, букв он еще не знает. Он смотрит картинки, зато понимает их лучше слов. Больше всего он любит фантастику. Я в ней не разбираюсь. Слишком уж все там странно.

— Мы по телевизору смотрели передачу о фантастике, так что имеем о ней некоторое представление, — сказал Понго. — Наверняка Томми смог бы понять причину этого загадочного сна, если бы сам не уснул... Погодите, а это что такое?

Тут они все услышали знакомый пронзительный лай.

— Это же Хвостик, — сказала Миссис.

— Не может быть, Миссис, — сказал Понго. — Хвостик в Лондоне, как ее можно оттуда услышать.

— Так или иначе, кто-то лает, кому-то мы понадобились, — сказал Генерал. — Давайте-ка выйдем.

Они побежали во двор. Здесь лай стал слышнее, и можно было разобрать слова.

— Вызываю Понго, Миссис или Генерала, — доносилось издалека.

— Надо же, в самом деле Хвостик, — сказал Понго и немедленно отозвался: — Слышим тебя хорошо! Дорогая, где ты?

— Дома, разумеется, — пролаяла в ответ Хвостик.

— Дома? Хочешь сказать, ты вернулась в Сад-Холл?

— Разумеется, нет, — ответила Хвостик, слегка раздраженно (совсем слегка). — Мой дом на Даунинг-стрит, 10.

Тут мы на минутку вернемся назад, чтобы рассказать, что произошло с самой маленькой, самой хорошененькой и самой практичной из пятнадцати щенков Понго и Миссис. Примерно за год до того, как случилась эта история, Правительство — уже не в первый раз — обратилось к мистеру Душечке с просьбой избавить его от долгов. За ним

прислали машину, и Хвостик, которая слышала, что он едет в родной Лондон, тайком забралась под сиденье. А когда машина остановилась на Даунинг-стрит возле дома под номером 10, она стремглав выскочила и бросилась вперед так, что опередила мистера Душечку, перед которым как раз распахнули дверь. У дверей его встречал сам премьер-министр, поскольку Правительство, в ожидании мистера Душечки, места себе не находило от волнения. Хвостик, обожавшая смотреть телевизор, немедленно узнала премьера, бросилась к нему и так радостно завиляла хвостом, что тот сразу просто растаял. И махнул полицейскому, который бросился к ней с намерением выпроводить, чтобы тот оставил собаку в покое. Потом ей позволили присутствовать на заседании Правительства, где обсуждались важные вопросы экономики страны.

В тот раз Правительство влезло в такие долги, что даже мистер Душечка не понимал, что делать. Когда-то его называли волшебником от финансов, но тут нужен был уже настоящий волшебник (плюс десяток хороших гномов). Тем не менее, мистер Душечка честно старался найти выход, хотя потом сдался и сказал, что придется как следует пораскинуть мозгами (и Хвостик испугалась, что он их тут раскидает и останется ни с чем). На-

конец, мистер Душечка встал, собираясь ехать домой, и позвал Хвостик. Все это время она лежала у ног премьер-министра. Услышав, как ее зовут, она вскочила, но не побежала за мистером Душечкой, а прыгнула на колени к ПМ и спрятала голову у него под мышкой.

Мистер Душечка извинился за свою собаку и довольно строго прикрикнул:

— Хвостик, ко мне!

Тогда она полезла прятаться ему под пиджак. Мистер Душечка подошел и строго взял ее за ошейник, а Хвостик обняла ПМ лапами за шею и тихонько заскулила. Мистер Душечка, знаяший, что кто-кто, а Хвостик никогда не страдала излишней сентиментальностью, был просто поражен таким ее поведением, а премьер-министр растаял окончательно. Он был глубоко тронут. На глаза у него навернулись слезы. В те дни его все критиковали, некоторые даже ругали, она единственная отнеслась к нему с любовью. ПМ принялся уговаривать мистера Душечку отдать собаку ему. Так что мистеру Душечке, который видел, что теперь ее можно увести только силой, пришлось согласиться.

Вскоре после того случая премьер-министр должен был выступить по телевидению. Хвостик, которая с раннего детства обожала телевизор,

всегда мечтала сама попасть на экран. Если говорить совсем честно, это и была истинная причина, зачем она поехала в Лондон. Она быстро придумала план. В тот самый момент, когда премьер заканчивал выступление, Хвостик вышла из-за шторы, молниеносно подбежала к премьеру и лизнула в щеку с такой любовью, что его популярность немедленно снова выросла, потому что британцы всегда считали, что собаки знают, кто хороший, а кто плохой. С тех пор Хвостик присутствовала при каждом его появлении на публике, и теперь вся нация знала ее очаровательную улыбку. Но улыбалась Хвостик всегда только при последних словах министрах, и потому никто не выключал телевизор, не дослушав его до конца. Кроме того, она разряжала напряженные ситуации, когда к нему приходили очень сердитые люди, и в конце концов все ее полюбили. Другие члены Правительства принялись тоже покупать собак, но ни одна не стала такой популярной, как Хвостик.

А теперь Хвостик отчаянно звала родителей и Генерала. Они услышали ее голос на ферме в Саффолке. Понго был бесконечно изумлен. От них до Лондона было шестьдесят миль, и, чтобы передать туда сообщение, его нужно было передавать по цепочке из почти пятисот собак. (Понго

прекрасно помнил те сеансы вечерней связи, когда украли щенков.) Так что теперь он лишь и смог проговорить:

— Детка, как это тебе удается? Это что, какое-то новое изобретение?

— Какая разница как, — сказала Хвостик. — Лучше скажи, что там у вас происходит. Тоже все спят кроме собак?

— Абсолютно все, — сказал Понго.

— Везде одно и то же, по всей Англии. У меня тут десятки донесений. Вполне возможно, это происходит не только в Англии. Я еще не связывалась с заграницей, но в ближайшее время свяжусь.

— Каким образом? — удивился Понго. — За морем тебя не услышат.

— Ты же меня слышишь, хотя ты далеко. Я почти уверена в том, что посылаю сообщение исключительно силой мысли. Да, это странно... Сегодня вообще все странно. Так что думаю, если попрактиковаться, можно расширить круг контактов. Но сейчас мне нужно, чтобы вы с мамой немедленно прибыли на Даунинг-стрит.

— Детка! — сказал Понго, польщенный. — Разумеется, если тебе так нужно, мы придем. Только вот мама... Погоди минутку.

Он повернулся к Миссис, чтобы передать ей разговор с дочерью.

Миссис его перебила. Обычно она мало что понимала во время сеансов дальней связи, но тут разобрала все до единого слова.

— Не о чем даже говорить, Понго, мы немедленно отправляемся в Лондон.

— Разве мы не обязаны охранять Душечек?

— С этим справятся Принц и Пэдди.

— И отлично справятся, — сказала Хвостик. Она услышала разговор родителей, хотя те переговаривались очень тихо. — А вы нужны здесь. Сюда сейчас прибывают делегации собак из всех уголков Англии. Мама поможет принимать гостей, а ты, папа, поможешь принимать решения.

— Детка, ты теперь разбираешься политике не хуже меня, — сказал Понго.

— Скорее всего, лучше, — сказала Хвостик, никогда не отличавшаяся скромностью. — Но мне нужно выбрать *стратегию*. А ты, когда спасал нас от Круэллы, показал себя отличным стратегом.

— Я это делал не один, мне помогал Генерал, — сказал Понго скромно, хотя на самом деле был уверен, что все основные решения тогда принял сам. А сказал он так, потому что иначе просто лопнул бы от гордости, услышав похвалу дочери.

— Тогда возьми с собой и Генерала.

Но Генерал отказался покинуть ферму.

— Прошу прощения, мне не на кого оставить Томми и миссис Прутник.

— Надо же, — сказала Хвостик. — Не время для сантиментов. Возможно, на карту поставлена судьба всего Соединенного Королевства... Впрочем, мы с вами можем связаться и мысленно, не так ли?

— Сомневаюсь, — сказал Генерал. — Мысли у меня что-то в последнее время путаются.

— А у кого не путаются? — сказала Хвостик. — Тем не менее, вы должны всегда быть в полной готовности... Папа, надеюсь увидеть вас у себя часа через два.

— Часа через два? — изумился Понго. — В прошлый раз у нас на это ушло два дня, а мы тогда были все-таки помоложе.

— Сейчас другая ситуация, — возразила Хвостик. — А теперь послушайте меня. Утром я не смогла разбудить премьер-министра и бросилась звать на помощь. Я бежала что было сил и пожалела, что не могу бежать быстрее... и в ту же секунду я вдруг помчалась быстрее. Я пронеслась над лестницей, даже не касаясь ступеней. Сначала мне показалось, будто я каким-то образом просто так замечательно прыгнула и одолела ее одним прыжком, но тут же заметила, что лечу так и дальше. Потом оказалось, что это умею делать

не только я, а практически все, кто прибежал ко мне за советом. Мы это с ними обсудили, немножко попрактиковались на улице. И выяснили удивительную вещь: мы теперь умеем подниматься в воздух и управлять своей скоростью только усилием мысли. Понятно я говорю или нет?

— Понятно-то понятно, — сказал Понго. — Но не представляю себе, чтобы мы...

— Папа, именно этого я от вас и жду. Просто представь себе, как ты мчишься, не касаясь земли, и ты тут же взлетишь.

— Но ведь я довольно тяжелый... С ума сойти! — вдруг воскликнул он.

Миссис со свистом пронеслась мимо него через фермерский двор.

— Получилось, получилось! — торжествующе залаяла она.

Следом за ней пронесся и Генерал.

— Папа, попробуй ты, — скомандовала Хвостик. Если уж неповоротливый Генерал сумел это сделать!

Понго напрягся изо всех сил и... немного подпрыгнул.

— Ты чересчур серьезен, папа, — сказала Хвостик. — Не бойся, у тебя получится.

Понго постарался быть менее серьезным, и... еще раз подпрыгнул.

Миссис, грациозно пронесшаяся мимо, крикнула:
— Дорогой, помнишь ли ты, как по телевизору показывали гоночный катер на воздушной подушке? Представь себе, что ты этот катер.

Понго живо вспомнил гоночный катер. Как он несся по волнам, как будто их не касаясь. И тут... Понго вдруг почувствовал, что полетел над двором, будто катер.

Это было потрясающе! И оказалось так же потрясающе легко. От Понго не потребовалось почти никаких усилий. Он прибавил скорости и в ту же секунду обогнал Миссис и Генерала.

— Твой отец лучший гонщик в мире! — крикнула Миссис дочери.

— В самом деле, ничего сложного, — сказал Понго. — Как ты думаешь, детка, какова у нас максимальная скорость?

— Пес министра транспорта ее вычислил, пока мы тут практиковались. Он сказал, тридцать миль в час. Он считает, что это наша предельная скорость. Я с ним согласилась... Хотя, если честно, из вежливости, потому что он отлично знает свою работу... Но на самом-то деле, мне кажется, что предела скорости нет, так что чем скорей вы окажетесь здесь, тем лучше.

Понго еще разок попробовал увеличить скорость.

— Потрясающе, — сказал он. — Хотя я все равно не понимаю...

— Я много чего не понимаю, — сказала Хвостик. — Например, что происходит с дверями? Они открываются, стоит только об этом подумать. Иначе я до сих пор сидела бы в спальне премьера.

Так вот в чем дело. Значит, Душечки *не забыли* закрыть на ночь дверь и ворота, значит, те открывались сами собой.

Миссис, которая продолжала носиться по двору, крикнула на лету:

— Самое странное, что я до сих пор не хочу есть.

— У нас тут никто не хочет, — сказала Хвостик. — И это просто прекрасно, потому что иначе пришлось бы чем-то кормить делегации... Впрочем, если бы в самом деле пришлось, я конечно справилась бы. Представила бы себе, как их накормить, и... Я почти уверена, что все дело в метафизике. Папа, согласен?

— Даже не знаю, — сказал Понго и подумал, что время до встречи с дочерью есть, так что он успеет посмотреть в словаре это слово.

— Всё, конец связи, мне пора, — сказала Хвостик. — Дел полно. Да, чуть не забыла про самое главное. Приведите с собой побольше наших.

Возможно, нам понадобится армия... Папа, будешь командовать. Так что, возможно, нам понадобятся все.

Миссис вдруг остановилась.

— Зачем нам армия? Мы что, собираемся с кем-то воевать?

— Надеюсь, нет. Однако нужно быть готовыми ко всему.

— Если все кроме нас спят, с кем же воевать?

— Мама, я не знаю. Знаю только, что не знать врага хуже, чем знать.

— Ерунда какая-то, — сказала Миссис. — Если ты не знаешь врага, значит, его и нет.

— В любом случае, приходите поскорее.

Понго с Миссис пообещали дочери, что придут, как только смогут. Связь прекратилась, и наступила тишина.

— Все-таки странно, что мы слышали ее голос за шестьдесят с лишним миль, — сказал Понго.

— Не странней, чем по телефону, — сказала Миссис.

— У телефона есть провода. А Хвостик разговаривала с нами без проводов.

— В телевизоре тоже нет проводов.

— Да, но в нем есть много всяких других сложных штучек.

— У нас в головах тоже есть много всяких сложных штучек, — сказала Миссис.

Тут Генерал напомнил им, что пора возвращаться в Сад-Холл и будить собак.

— Помните, когда будете выбирать, кого возьмете с собой, выбирайте тех, из кого выйдут хорошие солдаты, — напутствовал он их.

— Далматинцы все никакие не солдаты, — сказала Миссис. — Мы просто собаки. Так что давайте и дальше так о нас думать. По крайней мере, до тех пор, пока мы не узнаем, кто враг.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Что такое «метафизика»

Научившись мчаться почти не касаясь земли, Понго и Миссис одолели обратный путь за несколько минут.

На лету Понго вспомнил, что и по дороге на ферму они чувствовали необыкновенную легкость, и понял, что, значит, сами могли бы этому научиться. Он рассердился на себя за то, что пришлось брать уроки у дочери. Нужно внимательней относиться к тому, что происходит. И уж тем более нужно поскорее найти словарь мистера Душечки и посмотреть, что такое «метафизика».

А Миссис вдруг сделала свое открытие: она села и... продолжала нестись вперед с той же скоростью. Это было полезное открытие, которое могло очень даже пригодиться в предстоявшем им путешествии. Оно позволяло отдыхать буквально на лету. Миссис обрадовалась, но тут же

нашла другой повод для беспокойства: как быть с ошейниками, они ведь так и не умеют их надевать.

— Что, если нам попадется полицейский?

— Полицейские спят, — напомнил Понго.

— Ну... Это успокаивает.

Когда они подлетели в Сад-Холлу, ворота перед ними распахнулись сами собой, и Миссис с Понго увидели, что все проснулись и ждут их на лужайке перед домом. Принц вышел вперед.

— Проснулись сами вскоре после вашего ухода. Я всё объяснил. Никакой паники не было. Все чувствуют себя отлично, даже лучше, чем всегда, есть никто не хочет.

— Вижу, — сказал Понго, не сумевший скрыть изумления.

Обычно это был самый шумный час, когда, позавтракав, все играли, толкались возле пруда и возле качелей. Но теперь игрой занят был лишь молодняк. Остальные сидели спокойно и ждали его слов.

Ему ничего не оставалось, кроме как поздравить Принца, который блестяще справился с организационными задачами.

— Мне помогла Пэдди, — сказал Принц. — Кормящие мамы начали нервничать из-за того, что малыши отказались есть, а Пэдди их угомонила. Все приступили к умыванию и успокоились.

Он кивнул головой на Пэдди, которая лежала в тени под деревом и вылизывала последних щенков.

— Все, конечно, ждут объяснений, чтобы понять, что происходит, — сказал Принц, — но, в общем, никто вас не торопит.

Понго посмотрел на собак, сидевших на залитой солнцем лужайке, и пожалел, что сейчас придется нарушить спокойствие этого утра, но ничего не поделаешь. Он встал посредине между Принцем и Миссис, попросил внимания и рассказал все, что сам узнал от дочери. Когда он дошел до их нового умения летать по воздуху, в рядах молодежи заволновались — всем захотелось немедленно опробовать этот способ. Понго пресек их попытки.

— Тренировки начнем попозже, — твердо сказал он. — Сначала нужно отобрать тех, кто пойдет с нами. Матери с малышами, разумеется, останутся. Отцы тоже. Кто-то должен их защищать в случае неприятностей. Остальные пусть решат сами. Добровольцам — поднять хвосты!

Лужайка мгновенно ощетинилась поднятыми хвостами.

— Благодарю, благодарю вас всех, — сказал Понго. — Но добровольцев слишком много.

Он повернулся к Принцу.

— Пожалуй, придется все хорошенько обдумать, — сказал он. — А Миссис тем временем пусть начнет обучение полетам... Думаю, лучше всего на тисовой лужайке. Там достаточно места.

Тисовой в доме называли лужайку, где по обе стороны росли высокие старые тисы. Миссис, внезапно почувствовав себя очень важной особой, гордо двинулась туда первой. Далматинцы — все, кроме Понго и Принца — двинулись следом за ней. Даже мамаши с младенцами.

Понго начал с того, что попросил Принца оставаться дома.

— Нам всем будет спокойней, если ты останешься охранять Душечек. Конечно, Пэдди тоже останется с тобой, а также любой, кто тебе понадобится.

Принцу очень хотелось в Лондон, но ничего не поделаешь, долг есть долг. Они с Пэдди отвечают за Душечек наравне с Понго и Миссис. Кроме того, Принц знал, что Пэдди, которой в юности довелось быть бездомной собакой, не любит покидать дом. Потому он великодушно согласился и не менее великодушно оставил выбор команды за Понго.

— Пойдут наши дети, — сказал Понго. — Счастливчик с женой, которая, к счастью, оказалась такой же умницей, как и он. Я на них очень рассчитываю. Потом — Клякса. Он мало того что умный, он скучает по сестре.

Клякса у них один был неженатым. Он давно решил, что — ради чистоты породы — ему, с его пятном на ухе, лучше остаться одному, чем передать свой недостаток по наследству. Но он не испытывал никаких огорчений по этому поводу. У него было множество племянников, которые его обожали. И он всегда с радостью с ними играл и вообще души в них не чаял. Но больше всех по-прежнему любил свою сестричку Хвостик, которую неустанно опекал в те времена, когда она была самой крохотной и самой слабой. Теперь она, конечно, была знаменитостью и Клякса ею гордился, но очень по ней скучал.

Понго продолжал:

— Про Пудинга и не знаю, стоит ли его брать с собой.

Пудинг, который когда-то был толстым щенком, попадавшим во всевозможные неприятности, давно превратился в большого толстого пса, попадавшего во всевозможные неприятности. С той лишь разницей, что теперь, когда он вырос, выросли и его неприятности.

В эту секунду на лужайке раздался взрыв хохота и голос Миссис:

— О-о! Дорогой! Не ушибся? Пудинг, милый, мы учимся летать между деревьями, а не сквозь деревья!

— Ну-ка пойдем посмотрим, что там происходит, — сказал Понго Принцу.

На лужайке они увидели Пудинга, который, на всей скорости врезавшись в тисовый ствол, к счастью, остался невредим.

— По-моему, его лучше оставить дома, — сказал шепотом Понго жене.

— Неужели ты думаешь, здесь он будет в безопасности? — сказала Миссис. — Мне лучше знать, что с ним случилось, чем рисовать в мыслях всякие ужасы.

— К тому же, он ужасно обидится, если мы его не возьмем... Боюсь, кто-то на нас неизбежно обидится.

Но обиженных не оказалось. Всем как-то с самого начала было понятно, что с Понго и Миссис пойдут их дети. Поэтому, когда дошло до отбора добровольцев, те, кому предстояло остаться, утешились, что остаются не просто так, а защищать спящих Душечек и весь Сад-Холл, хотя никто так и не понял, от чего или от кого. Такое смирение показалось Понго и Принцу не менее удивительным, чем утреннее безукоризненное поведение.

Технику полетов освоили все, но команде, отобранной для похода, Понго велел еще потренироваться, а они с Миссис пошли прощаться.

Сначала они поднялись в удобную, просторную мансарду, где жили няни. Няня Повар, в рубашке с рюшками, спала, немного приоткрыв рот. Няня Мажордом, в пижаме, спала, крепко скав губы. Обе выглядели спокойными и вполне здоровыми.

— Они всегда были к нам добры, — сказала Миссис. — Помнишь тот вечер, когда они отмывали щенков от сажи?

— Да, когда закончилось то наше приключение. А сейчас вот-вот начнется новое, — сказал Понго.

— К счастью, Круэлла де Вил сейчас далеко, — сказала Миссис. — Насколько я знаю, она навсегда уехала из Англии.

— А... — начал было Понго, но вовремя замолчал.

Несколько месяцев тому назад он слышал разговор Душечек, которые как раз говорили о том, что Круэлла вернулась. Тогда Понго не стал сообщать об этом Миссис и теперь тоже решил помалкивать. Ко всему прочему, Круэлла наверняка спит и вообще не может иметь отношения к тому, что вокруг происходит.

Попрощавшись с нянями, собаки спустились к Душечкам. В спальне ничего не изменилось. Душечки по-прежнему улыбались во сне. «Персы»,

хоть и не улыбались, но, судя по их виду, им тоже снилось что-то хорошее.

Миссис бросила прощальный взгляд на свою корзинку и вдруг воскликнула:

— Понго! Совсем забыла! Мне сегодня приснился очень важный сон.

Обычно если что-то Миссис во сне и снилось, то это была еда. В хороших снах на деревьях росли пирожные-корзиночки, с неба вместо дождя сыпалось шоколадное драже, и так далее. В плохих — еда стояла в консервных банках, и Миссис никак не удавалось их открыть. Но сегодняшний сон не имел к еде никакого отношения. Миссис даже не знала, хороший он или плохой. Знала только, что важный.

— Мне приснился яркий свет, — сказала она Понго. — А еще... Ой, я забыла, что еще!..

— Наверняка позже вспомнишь, — сухо сказал Понго, хотя сам подумал, что лучше бы не вспомнила. Он любил рассказывать про свои сны и терпеть не мог слушать про чужие. — Милая, нам пора.

В последний раз перед дорогой они поцеловали Душечек, посмотрели на «персов». Своей корзинке Миссис пообещала вернуться как можно скорее (пообещала мысленно, иначе Понго высмеял бы ее за то, что она разговаривает с корзинкой). Потом они спустились вниз.

Там Понго сказал:

— Мне нужно на минутку заглянуть в кабинет мистера Душечки. Хочу посмотреть в словаре, что означает то самое странное слово «метафизика», которое сказала Хвостик.

Понго прекрасно умел читать — на его счастье, в детстве ему купили кубики с алфавитом. Но вот самому искать в словаре слово еще ни разу не приходилось. К тому же Понго точно не знал, на какой полке стоит словарь. Из-за задернутых штор в кабинете было полутемно. Понго стоял, смотрел на полки, пытался разобрать названия книг, и вдруг в щель между штор пробился солнечный луч (конечно, это пробился луч, ведь не могли же шторы раздвинуться сами), и его свет упал на темно-синий корешок, на котором золотыми буквами было написано «Словарь». Понго снял словарь с полки, аккуратно положил на пол и открыл. Луч упал на страницу...

— Ты только посмотри! Словарь открылся на том самом слове, которое мне и нужно, — сказал Понго.

— Очень вежливо с его стороны, — сказала Миссис.

Понго прочел словарную статью, объяснявшую слово «метафизика» не менее странно, чем оно было без объяснений. Потом Понго прочел ста-

тью вслух для Миссис, и та поняла в ней целых две вещи: что такое «ви\$дение» и что такое «сверхъестественное». И по-своему растолковала мужу: «ви\$дение» — это то, что мы видим в своем воображении, а «сверхъестественное» — это всё то, что находится сверх всего естественного.

— Или больше, чем все естественное, — проворчал Понго. — Значит, насколько я понимаю, метафизическое как-то связано с нашим мозгом.

Миссис сказала:

— А я думаю, что оно связано с волшебством... Наверное, у нашего мозга есть волшебная сила. И это она открывала нам двери, и мы слышали, что говорит Хвостик, и научились летать... Знаешь, Понго, по-моему, мне нравится метафизика.

— А мне, кажется, нет, — сказал Понго. — Мне не нравится то, чего я не понимаю.

— Это потому, что ты очень умный и много знаешь. А я знаю мало, и наверное, глупая, и потому мне нравится то, чего нельзя понять. Метафизика мне понравилась.

Понго, в отличие от Миссис, никогда не считал ее глупой. И высоко ценил ее чутье. Да, конечно, сам он был умный. Но, в отличие от Миссис, он прекрасно знал, что чем умнее он становился с возрастом, тем меньше доверяет своему чутью. Потому всегда был только рад, когда его жена

вмешивалась. Так что если Миссис не испугалась метафизики, то и он не будет бояться, а будет, как и она, считать эту штуку полезной.

Понго попытался вернуть словарь на полку, но не вышло. Ему стало любопытно, почему бы это? Ведь он все утро делал такое, чего раньше и представить себе не мог.

— Потому что это тебе не нужно, — сказала Миссис. — Если бы на самом деле было нужно, метафизика наверняка помогла бы. Со словарем и на полу ничего не случится.

— Если сюда не заберется кто-нибудь из щенков.

Миссис затолкала носом словарь под диван и сказала:

— Тут его никто не найдет. А когда мы вернемся и проснется мистер Душечка, мы ему покажем, где словарь.

Но... вернутся ли они домой? Проснется ли мистер Душечка? Понго отмахнулся от этих мыслей. Уж во всяком случае Миссис сейчас о них лучше не знать.

— Нам пора, — бодро сказал он.

И собаки быстро спустились в залитый солнцем сад.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Большой полет

К тому времени, когда Понго и Миссис вышли из дома, пятьдесят отобранных добровольцев, которым предстояло отправиться в Лондон, окончательно разобрались с техникой полетов, и все оказались прекрасными полетчиками (или летунами). Понго приказал построиться перед парадной лужайкой в шеренги по четыре. Сам он возглавил первую, встав рядом с Миссис, Кляксой и Пудингом. Замыкали строй неполной шеренгой двое: Счастливчик и его жена Игрунья. В их задачу входило следить за тем, чтобы никто не отстал и не потерялся. Остальные дети Понго и Миссис оказались кто где в середине колонны. Все слегка подпрыгивали на месте от нетерпения, так им хотелось скорее увидеть Даунинг-стрит и сестру.

Когда все построились, Понго сказал Миссис:

— Все-таки странно перед походом даже не напиться. Наверное, нужно спросить, не хочет ли кто-нибудь пить?

— Спроси, если тебе так спокойней, но никто не хочет.

Понго все же спросил. Пруд был в двух шагах (они почти все любили воду не из-под крана, а именно из пруда), но пить никто не побежал.

— Очень странно, — сказал Понго.

— Ничего странного, обыкновенная метафизика, — сказала Миссис.

Понго отдал Принцу последние наставления, Миссис нежно поцеловала Пэдди, остающиеся пожелали уходящим счастливого пути. И когда все как следует попрощались, Понго повернул голову к строю и сказал:

— Для начала двигаемся потихоньку. Мы с Миссис задаем темп, остальные — подстраивайтесь. Не забудьте: на ферме остановка. Мне нужно поговорить с Генералом. Итак! Ворота, будьте любезны!

И высокие ворота распахнулись, выпустив со двора двенадцать с половиной рядов Далматинцев. А потом сразу снова закрылись.

На дороге Понго с Миссис немного прибавили скорости, так что отряд быстро добрался до фер-

мы, где, как оказалось, их ждали, готовые к ним присоединиться, один Бигль, один — очень храбрый — Пекинес и два молодых Спаниэля.

Генерал сказал Понго:

— Добровольцы прибыли из деревни. Я сбежал туда, рассказал о вашем походе. Заодно нашел себе помощника. Отличный парень. Со временем дорастет до лейтенанта.

Он снисходительно посмотрел сверху вниз на юного Джека-Рассела*.

— Сейчас-то ему, конечно, далековато до Миссис Прутка. Да что до нее, он и до Счастливчика, каким он был в его возрасте, тоже пока что не дотягивает.

— Я выучусь! Буду стараться! — звонко ответил Джек-Рассел, преданно глядя на Генерала.

— Каков нахал, — сказал тот. — Что ж, мне нравится его боевой дух.

Одной из причин, почему Генерал проникся уважением к пестрой кошке по имени Прутка, как раз и было то, что она всегда могла постоять за себя. Так что у Джека-Рассела были все шансы попасть к нему в любимчики.

Пока они беседовали, из деревни прибежали еще четыре собаки, и Счастливчик поставил их в строй.

* Джек-рассел-терьер — распространенная в Англии и Австралии порода охотничьих собак.

— Думаю, вам придется принимать пополнение по всему пути в Лондон, — сказал Генерал. — Вас это, конечно, задержит. Так что поторопитесь.

— Отряд к походу готов, — сказал Понго, окинув взглядом шеренги.

Он попрощался с Генералом и его новым помощником, а потом скомандовал строю:

— Бегом марш!

Сразу за фермой дорога изгибалась дугой, так что разбежаться-то там как раз и не удалось. Зато за деревней — где им пожелали доброго пути все тамошние собаки — отряд быстро вышел на широкое шоссе, и там-то уж разогнался как следует.

Через некоторое время Понго обнаружил, что нет никакой нужды командовать. Отряд двигался точь-в-точь с той же скоростью, какую они задавали. Понго до того удивился, что даже спросил у Миссис, как такое может быть.

Миссис, не задумавшись ни на секунду, ответила:

— Запросто. Ты же думаешь про весь отряд, потому твоим мыслям и подчиняется весь отряд. Подумаешь, что нужно быстрее — мы летим быстрее. Подумаешь, что нужно притормозить — мы притормаживаем. Может быть, мы и вперед-то движемся только потому, что ты думаешь, что нам нужно вперед.

В эту же секунду строй нарушился. Это Пудинг вдруг поехал назад, врезавшись во вторую шеренгу, а тот, кто бежал следом за ним, врезался в третью, и так до последнего ряда. Увидев это, Понго гаркнул: «Стой!», — и все сразу прекратились. Хорошо, что никто не пострадал.

— Пудинг, в чем дело? — спросил Понго, когда все пришли в себя.

— Я же слышал, как ты говорил с мамой. Когда она сказала, почему мы движемся вперед, я нечаянно подумал, что лечу назад, — ответил Пудинг.

— Сейчас должен думать только твой отец, и больше никто, — сказала Миссис. — Наверное, следует предупредить об этом всех, Понго.

Понго не согласился.

— Только начнут нервничать. Да и кому, кроме нашего Пудинга, придет в голову думать о том, чтобы полететь назад, когда мы летим вперед. Вот ему в самом деле лучше вообще ни о чем не думать и сосредоточиться на задаче.

— Постараюсь. Честное слово, — сказал Пудинг.

Отряд рванул было вперед, и только Пудинг остался стоять на месте, так что в него врезался Далматинец, стоявший за ним во второй шеренге, а в того врезался тот, кто был в третьей, и так до конца. Пришлось всем снова остановиться.

— Он просто перестарался, — сказала Миссис. — Он так хотел прогнать из головы любые мысли, что и твоя от него отскочила. Пудинг, дорогой, прикажи своей голове просто слушаться папу. По крайней мере, пока мы не доберемся до Лондона. А там пусть снова думает, что захочет.

Наконец отряд снова двинулся в путь, и не прошло много времени, как вдоль дороги замелькали дома Садсбери. Глядя на закрытые магазины, Понго вспоминал добрые лица здешних продавцов, многих из которых он хорошо знал. Душечки не раз ездили сюда по воскресеньям и брали их с собой, его и Миссис. Как весело — и шумно — тогда было на этих улочках! А теперь улочки были пусты, и лишь несколько собак поджидали их возле статуи Гейнсборо*. Понго отдал приказ остановиться, и Счастливчик определил пополнение в строй.

Миссис подняла глаза на городские часы.

— Двенадцать. Как я люблю этот час! Обе стрелки на одной цифре, так что не перепутаешь.

В эту минуту часы начали бить, и Миссис добавила:

— Понго, помнишь?! Когда бежали на помощь детям и впервые здесь оказались, часы тоже били

* Великий английский художник Томас Гейнсборо родился в городке Садсбери (Саффолк).

двенадцать. Но в тот раз была полночь, и бой их звучал совсем по-другому.

— Вряд ли это возможно, — сказал Понго.

— Еще как возможно. В полночь он был страшный, а в полдень звучит очень даже весело. Впрочем, сегодня здесь и в полдень пусто, как ночью.

Вскоре Далматинцы миновали этот милый городок и стремительно понеслись вперед. Дорога шла через прекрасные саффолкские равнины. Стоял чудесный летний день, и Миссис подумала, что никогда еще не видела такого чудесного дня. Высокая, безоблачная синева над головой была так похожа на бархат, что Миссис захотелось его погладить. Деревья казались выше, густые их кроны — мягче и пышней, чем обычно. По обеим сторонам дороги золотились поля, и от них и от солнца воздух казался золотистым. На всем лежало удивительное ощущение покоя.

Вдруг Миссис сказала:

— Странно, что мы так быстро несемся, а уши назад не сдувают.

— И ветер в нос не бьет, — сказал Понго.

— Наверное, ветер сегодня тоже спит. Понго, мне это нравится. Везде так спокойно, так хорошо.

А Понго как раз это и беспокоило. Но он не хотел пугать Миссис и не стал мешать ей наслаждаться жизнью.

— Хорошо бы, так было подольше, — сказала Миссис и подумала, что, наверное, ответственность, которая лежит на Понго, мешает ему радоваться вместе с ней. — Мне было бы еще приятней, если бы и ты хоть немного порадовался. Попытайся, милый. Не забывай, что именно радость остается в нас надолго. Как только ее почувствуешь, уже никто этого не отберет.

— Прекрасный афоризм, дорогая.

— Прекрасный что, Понго?

— Афоризм. Это слово я как-то слышал от мистера Душечки. По-моему, оно означает особенно точное высказывание.

— Значит, я умею говорить афоризмы, подумать только! — гордо сказала Миссис. — Так или иначе, хоть ненадолго выбрось из головы все тревоги. Как знать, может быть, у нас появятся основания для беспокойства, но зачем торопить события.

Понго поступил так, как просила его жена, и выбросил все тревоги из головы. Отряд летящих над дорогой собак плавно мчался вперед, останавливаясь лишь затем, чтобы принять новое пополнение. А через некоторое время у них действительно появились основания для беспокойства. Поджиная в очередной раз, пока Счастливчик определит в строй новичков, Понго вдруг

ощутил в голове легкое жужжание, а через секунду услышал голос дочери (мысленный сигнал опередил звук точно так же, как его опережает свет.) Понго тут же отозвался.

— Наконец-то я вас нашла. Оказывается, очень трудно связаться с вами, когда вы в движении. Скажи, где вы и скоро ли прибудете на Даунинг-стрит?

Понго сказал, что по его расчетам они прошли полпути и, значит, примерно через час.

— Как долго, — сказала Хвостик.

Понго начал было объяснять, что приходится делать остановки, принимая новых добровольцев.

Хвостик рассердилась.

— Пусть добираются сами.

— Но они не знают дороги, — возразил Понго. — А я ее знаю прекрасно, потому что часто езжу в Лондон с мистером Душечкой.

— Дорогу они найдут, стоит им о ней подумать, — сказала Хвостик. — Так говорят все, кто прибыл сюда сегодня из самых разных мест. Мало кому пришлось спрашивать. В любом случае, тут и так уже нас собралось слишком много. На Даунинг-стрит просто ступить некуда. Пожалуйста, папа, поторопитесь!

— Что-то случилось, дорогая? — спросила Миссис.

— Ничего такого, о чём можно было бы сказать вслух. Здесь поговорим. Ну всё, меня зовут... Я должна еще связаться с Америкой... Жду вас как можно скорее, но в Лондоне будьте осторожнее. На улицах большое движение.

— Движение? — поразился Понго.

— Движение собак, разумеется. Даже пробки случались. Когда подойдете к Даунинг-стрит, позвовите меня. Я отправлю вам навстречу эскорт. А сейчас до свидания!

Их разговор слышали все, так что Понго оставалось только отдать команду «Вперед!» и включить полную скорость. Миссис это все не понравилось. Она сказала:

— Вот и конец нашему спокойствию. Впрочем, Хвостик всегда была беспокойной. Понго, как ты думаешь, она чем-то испугана или мне показалось?

Больше они не останавливались, и отправляли добровольцев в Лондон своим ходом. Вскоре отряд достиг лондонских окраин, и передвигаться стало труднее. Собаки шли к Лондону отовсюду — одни небольшими группами, другие большими, почти как у Далматинцев, отрядами, — и никто толком не понимал, кто кому должен уступить дорогу. Светофоры не работали... Понго, увидев их темные стекла, подумал, что было бы

проще, если бы работали... И для Далматинцев тут же зажегся зеленый свет! (Понго, который очень даже сомневался в своей силе мыслей, решил, что это каким-то образом организовала Хвостик.)

Чем ближе они приближались к центру Лондона, тем непривычнее выглядели улицы, с закрытыми магазинами, с толпами собак, без людей и машин. Иногда на пороге сидела собака, наблюдавая за проходившими мимо сородичами, и все выглядели при этом спокойными. Совершенно, на редкость спокойными.

На перекрестке, в ожидании зеленого сигнала светофора, Миссис сказала:

— Тебе не кажется странным, что здесь слишком тихо? По-моему, это ненормально, когда никто не лает.

— Кажется, они все чего-то ждут, — сказал Понго. — И к чему-то прислушиваются.

— По-моему, это как-то неправильно, — сказала Миссис. — У нас дома молодежь шумит иногда просто невыносимо, но сейчас я предпочла бы шум. Мне не нравится такая тишина... И мысленные волны больше не нравятся. Каким, спрашивается, образом здесь можно сохранить свои мысли при себе? Я не хочу, чтобы их знали все, кому ни лень.

Понго хотел что-нибудь сказать, чтобы ее успокоить, но в эту секунду глаза его жены округлились от ужаса.

— Что такое? В чем дело? — взволновался он. Оглянулся и сразу понял, на что она смотрит.

За невысокими домиками неподалеку от них выглядывало небольшое фабричное здание с большим рекламным щитом на крыше, на котором большими багровыми буквами было написано: «КРУЭЛЛА ДЕ ВИЛ И К°. ЗВОНКАЯ АДЕШКА».

Звонкая... что? Адешка? Понго ничего не понял, чушь какая-то. Но Миссис ничего не знала о правописании и всё поняла.

— «Адешка» — это значит «одежка», хотя понятия не имею, почему она звонкая, — сказала Миссис. — Но что же получается? Выходит, эта ужасная женщина вернулась?!

Понго пришлось сознаться, что он знал оозвращении Круэллы.

— Она нам больше не враг, дорогая. Наши шкуры ей ни к чему. Мистер де Вил теперь не меховщик. Наши Душечки говорили, что они с Круэллой занялись выпуском пластиковых плащей.

— Пластиковые плащи не бывают звонкими, — сказала Миссис. — Мне это всё не по душе. До сих пор сегодняшнее приключение мне нравилось, но если Круэлла вернулась, это меняет дело, и...

— Она не может иметь отношение к этому сну, — сказал Понго. — Постарайся выбросить ее из головы. Смотри, сейчас нам будет зеленый.

Когда опасное здание фабрики осталось позади, Миссис с облегчением вздохнула, но тревога ее не отступила, и через некоторое время Миссис сказала:

— Нужно предупредить Хвостик. Она наверняка что-нибудь придумает, чтобы обезвредить Круэллу.

— Дорогая, Круэлла человек, и сейчас наверняка спит, как все люди, — сказал Понго.

— Чепуха. Никакой она не человек.

— Человек, конечно, — сказал Понго. — Хотя было время, когда нам она казалась настоящим дьяволом. Не знаю, спят ли сегодня дьяволы....

Тут он сам себя остановил и сказал твердо:

— Как бы там ни было, а сегодня не спят только собаки. А уж Круэлла точно не собака.

Вскоре они прибыли в Кэмден, откуда было совсем недалеко до Риджент-парка, где раньше жили Понго и Миссис. Быстрым шагом отряд пересек Мэрилбон-роуд и миновал здание «Би-Би-Си».

Миссис сказала:

— Если люди спят, значит, нет телепередач. Бедная Хвостик скучает без телевизора.

Риджент-стрит была забита как никогда. Собаки заполонили не только проезжую часть, но и тротуары, где они толпами стояли возле закрытых магазинов и глазели на витрины. Зато здесь слышались хоть какие-то голоса. Собаки разговаривали между собой. Миссис услышала, как одна сказала:

— Мадам Хвостик совершенно права. Раз уж мы оказались в Лондоне, нужно посмотреть достопримечательности.

Значит, умница Хвостик старалась сохранять общественное спокойствие.

На Пикадилли толпа оказалась еще больше, но там отряд все же сумел пробиться и двинулся в сторону Трафальгарской площади.

— Мы почти на месте! — сказал Понго, сворачивая на Уайтхолл-роуд.

Но, свернув, он понял, что до места им не добраться. Уайтхолл-роуд была запруженна до самой Даунинг-стрит, да так, что пробиться тут не было никакой возможности. Хвостик велела ему с ней связаться, но над толпой стоял гул голосов, и в этом галдеже ничего не было слышно.

— Придется настроиться хором, — сказал он жене.

И объяснил отряду задачу.

— Изо всех сил думайте все вместе: Хвостик, мы тут на углу.

Прием сработал. Не прошло и двух минут, как на Даунинг-стрит появился отряд полицейских собак, который прокладывал дорогу навстречу Понго. Увидев его, офицер полицейских громко крикнул:

— Семья и родня Мадам Хвостик проследует за мной на Даунинг-стрит. Остальных прошу пройти на Конногвардейскую площадь.

Понго не мог просто так отпустить доверившихся ему собак.

— Будет ли там за ними уход? — спросил он.

Начальник полицейского отряда сказал:

— Уход ни к чему. Сегодня никто не хочет ни есть, ни пить, ни даже спать. Им понадобится только место, где можно посидеть и подождать вас. Место мы им там обеспечим. Парни, вперед!

Часть полицейских вместе с частью прибывших двинулась в сторону площади. А начальник отряда повернулся назад и громко крикнул:

— Дорогу Далматинцам!

Толпа немедленно расступилась. Те, кто стоял к ним ближе, приветственно завиляли хвостами, и кто-то крикнул:

— Да здравствует Мадам Хвостик и Далматинцы!

Миссис сказала мужу:

— Прилично ли я выгляжу? Я и не знала, до чего у нас важная дочь.

Не успела она договорить, как они вступили на Даунинг-стрит.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Заседание кабинета министров

На пороге дома номер 10 по Даунинг-стрит стояла Хвостик. Она и в детстве была в семье меньше всех, и теперь рядом с рослыми Далматинцами выглядела крошкой. Впрочем, во всем, кроме роста, Хвостик была безупречным образцом породы — пятна четкие, глаза огромные, и взгляд у них добрый-предобрый. Понго и Миссис, немного нервничавшие из-за чересчур важного положения дочери, были тронуты той теплотой, с какой Хвостик приветствовала сначала родителей, а потом всех своих родственников, в особенности любимого Кляксу. Поздоровавшись с ними, Хвостик, подняв свою грациозную лапу, любезно обратилась к остальным Далматинцам, вспомнив по имени почти каждого, хотя с тех пор, как она покинула Сад-Холл, прошел без малого год.

— Какие прекрасные манеры, — гордо подумала о дочери Миссис. — Ничего удивительного, что она стала так популярна во всей стране.

Кроме дочери, их встречали несколько собак, стоявших у нее за спиной, которых Хвостик представила коротко:

— Мой кабинет.

Они, как и Хвостик, сегодня представляли уснувших членов Кабинета Правительства.

— Познакомься, папа, наш министр финансов, — сказала Хвостик, указав на черного Лабрадора. — Он давно мечтал с тобой познакомиться, потому что ты лучше всех разбираешься в цифрах.

— Лучше всех разбирается в цифрах мистер Душечка, а не я, — сказал Понго. — Я могу разве что сложить два и два. Обычно у меня получается четыре, — улыбнулся он.

— А у нас с министром получилось три, — признался черный Лабрадор. — Возможно, когда он теперь высится, и у нас все будет в порядке.

Затем Хвостик повернулась к упитанному, жизнерадостному Боксеру, которого представила родителям как министра иностранных дел. Миссис, глядя на него, подумала, что кого-то он ей напоминает, но так и не смогла вспомнить, кого.

— А это, дорогие мои, наш министр транспорта, — сказала Хвостик, с улыбкой подходя к ко-

ричневой Пуделихе с идеальной стрижкой. — Именно она догадалась сегодня включить светофоры. Разве не блестящее решение?

— Я всего лишь подумала о них, — сказала та, — и, как ни странно, — они заработали.

Затем Хвостик представила родителям остальных министров и еще нескольких собак от Оппозиции.

— Их партия проиграла нам на последних выборах, — пояснила она матери, — но сегодня мы все на одной стороне.

— Мы всегда должны быть на одной стороне, — сказала Миссис. — Это сэкономило бы всем массу сил и времени.

— Да, тэкономило бы, — согласилась Хвостик. — Но возникла бы одна опасность: так мы все равно оказались на неправильной стороне.

Покончив с формальностями, Хвостик сказала, что ей нужно до начала заседания Кабинета поговорить с родителями.

— Я вас задержу ненадолго, — добавила Хвостик. — Не хотите ли тем временем прогуляться по саду? Министр транспорта вам его покажет. Барбара, дорогая, ты не против?

Барбара величаво кивнула идеальной стрижкой, и Далматинцы в сопровождении членов Кабинета министров во главе с ней направились

в сад, оставив Хвостик наедине с Понго и Миссис, изо всех сил старавшихся не подать виду, до чего же они гордятся дочерью.

Когда все ушли, Миссис оглядела опустевший вестибюль и ахнула. В углу у входных дверей, на черно-белом мраморном полу лежал полицейский. Полицейский, конечно, спал, но Миссис все равно испугалась. А когда немножко пришла в себя, спросила, почему он там лежит.

Хвостик сказала:

— Уснул на посту. Здесь внутренний пост охраны. Есть еще пост снаружи, там всегда дежурят двое полицейских. Те тоже уснули, и мы их перенесли в дом, а этого я решила лучше не трогать.

— По-моему, его тоже лучше унести, — сказала Миссис. — Спящий полицейский выглядит как-то уж совсем неуместно.

Хвостик с ней согласилась и сказала, что позже распорядится перенести и его, если придумает, куда.

— Во всех кабинетах — везде кто-нибудь спит: секретари, референты... Идемте, я хочу вам показать премьер-министра.

С этими словами она подвела родителей к лифту, который послушно открыл перед ними дверь. Понго с Миссис никогда раньше не ездили в лифте, и Понго сразу почувствовал, как Миссис заинтересовалась.

— Разве нельзя подняться по лестнице? —
спросил он.

— О-о! Это совершенно безопасный лифт, —
сказала Хвостик. — И я знаю, на какую кнопку на-
жать. Хотя сегодня я и ее нажимаю исключитель-
но мысленно.

— Ты хочешь сказать, метафизически? — сказа-
ла Миссис.

Хвостик застыла от изумления.

— Ты разбираешься в таких вещах? Какая ты
умная!

— Твоя мать давно знакома с метафизикой, —
сказал Понго.

Лифт поднялся наверх; дверь распахнулась,
и они вышли. Миссис вежливо сказала лифту спа-
сибо.

— На этом этаже мы живем, — сказала Хво-
стик, — но сегодня дома только премьер-министр.
Его жена в отъезде. Она хорошая женщина, хотя
я терпеть не может, когда собака лежит на посте-
ли. Вот сюда.

Она открыла дверь в спальню. Лежавший на
ней постели премьера Полицейский Пес
зарычавши поднялся.

Хвостик сказала:

— Приветствуйте, сержант, мои родители.
Прибыли к нам на помощь.

— Уверен, им это по плечу, мэм, — сказал Полицейский Пес. — В Англии нет ни одного Полицейского Пса, кто не слышал бы про Понго и Миссис.

Хвостик перевела тревожный взгляд в сторону постели.

— Есть какие-нибудь изменения, сержант?

— Никаких, мэм... Разве что... По-моему, он иногда улыбается.

— Вы правы, — сказала Хвостик. — Действительно улыбается. Значит, он в самом деле просто спит!

Она повернулась к родителям.

— Как он, по-вашему, выглядит?

— Хорошо, — сказала Миссис. — Моложе, чем по телевизору.

— Щеки румяные, — сказал Понго.

— Не слишком ли румяные? — встревоженно спросила Хвостик.

— Нет-нет. Обыкновенный здоровый румянец.

— Он в последнее время всегда был бледный, — сказала Хвостик. — У него много причин для беспокойства. Хорошо, что он спит и не знает, что происходит.

Миссис сказал:

— Мне он нравится больше, чем я думала. Видимо, потому что молчит. По телевизору он слишком много говорит.

— Ты права, — сказал Понго. — В самом деле, лучше бы он молча появлялся, детка, с тобой в кадре. Не могла бы ты ему намекнуть?

Хвостик печально покачала головой.

— Конечно, он очень умный, но не понимает ни слова из того, что я ему говорю.

— Та же беда в Скотланд-Ярде, — вмешался Полицейский Пес. — Мы, собаки, всегда сразу чувствуем, кто преступник, но еще ни разу никому из нас не удалось что-то объяснить полицейскому.

Хвостик легонько ткнулась носом в плечо премьер-министра и отошла в сторону, после чего ее родители так же вежливо с ним попрощались. Хвостик сказала, что им пора на заседание.

— Хотя так не хочется его оставлять, — вздохнула она.

— Я не покину своего поста, мэм, — сказал Полицейский Пес и встал по стойке смирно.

По пути к лифту Хвостик сказала отцу:

— Папа, я хочу, чтобы ты вел заседание.

— Как можно, — сказал Понго. — Я представления не имею, о чем там нужно говорить.

— Никто не имеет, — сказала Хвостик. — А я ужасно боюсь, что... Этого никто не должен знать, кроме вас. Скажу в лифте.

Дверь открылась, они вошли в лифт. Но не успел он тронуться с места, как вдруг остановился.

— Не волнуйтесь, — сказала Хвостик. — Это я попросила его остановиться. Лифт — единственное место, где я не боюсь, что нас услышат. В доме полно собак... Господи, — Хвостик вдруг сникла, и вид у нее стал беспомощный и жалкий. Она даже тихонько заскулила.

— Возьми себя в лапы, дорогая, — строго сказала Миссис, — и объясни, наконец, в чем дело.

Понго сказал:

— Случилось что-то, о чём мы не знаем?

— Нет, — сказала Хвостик. — В том-то и дело. Ничего не случилось, и я понятия не имею, слу-чится что-нибудь или нет. Утром все было пре-красно — я научилась летать, посыпать мыслен-ные сообщения, отдавать распоряжения. А теперь я жалею об этом. Из-за меня в Лондон пришли тысячи... десятки тысяч собак, а я не знаю, что с ними делать.

— Отошли обратно, — сказала Миссис.

— Если я просто их отошлю, они утратят веру в меня. А когда все уладится, не захотят больше видеть меня по телевизору. А это плохо повлияет на положение премьер-министра.

Понго понял, что на этот раз его выдающаяся дочь взяла на себя непосильную ношу. В соба-чьем мире такое случается нечасто.

И он сказал как можно тверже:

— Как бы там ни было, главное — не впадать в панику. Ты должна всем показать, что ситуация под контролем.

— Как она может быть под контролем, если я понятию не имею, что вообще происходит?

— Да, это в самом деле непросто, — признал Понго. — Но что касается заседания...

— Папа, пожалуйста, прошу, веди заседание!

— Разве нельзя, чтобы вы его оба вели? — сказала Миссис.

— Мама, мы конечно будем вести его оба, но я прошу его быть на этом заседании председателем.

— Быть председателем можешь только ты, дорогая, — сказал Понго. — Ты представляешь премьер-министра. Но ты имеешь полное право начать заседание и предоставить мне слово.

— О чём же ты будешь говорить? — поинтересовалась Миссис.

— О-о, — сказал Понго, и тон у него при этом был очень многозначительный.

— Не думаю, что твоего «о-о» там будет достаточно, — сказала Миссис.

— Я имею в виду, что, когда будет нужно, тогда я и соображу, что сказать. И ты, дочь, тоже сообщишь не хуже.

— Вряд ли, — печально сказала Хвостик. — Я, кажется, окончательно потеряла уверенность в себе.

— В таком случае немедленно найди ее, — сказала Миссис, которой очень не нравилось висеть между этажами. — И можешь начать с того, чтобы снова заставить лифт ехать.

— Не уверена, что у меня получится, — сказала Хвостик.

— А я уверен, — сказал Понго. — Сегодня мы можем всё: открыть любую дверь и заставить лифт двинуться с места.

Тут он мысленно — вежливо, но решительно — обратился к лифту и попросил его немедленно спуститься на первый этаж.

— О, папа, ты великолепен, — сказала Хвостик. — Теперь и мне кажется, что я тоже смогла бы.

Лифт внезапно остановился, испугав Миссис. А потом снова двинулся вниз.

— Это я так себя проверяю, — сказала Хвостик. — Папочка, спасибо! Моя уверенность снова нашлась.

Лифт спустился и открыл дверь. Миссис выбежала из лифта первой, не забыв его поблагодарить. Ей показалось разумным поддерживать с ним хорошие отношения... хотя, по ее мнению, лучше бы не поддерживать никаких.

Хвостик привела родителей в заднее крыло здания и открыла дверь в небольшой зал, который — как она сказала — так и называется: Зал Кабинета. До сегодняшнего дня Миссис считала, что кабинет — это такая небольшая комната, куда нельзя забегать щенкам. Но на Даунинг-стрит Кабинетом назывались с десяток собак, которые пришли помочь ее дочери управлять страной. Места в зале хватало, на этот счет Миссис могла не волноваться. Вокруг стола стояло больше стульев, чем она могла сосчитать. Высокие окна были открыты. Они выходили на террасу, откуда можно было спуститься в сад, где министры развлекали отряд Далматинцев. Туда, на террасу, Хвостик провела родителей, и они вместе полюбовались видом на Площадь Конной гвардии, где уже собралась огромная толпа.

Понго сказал:

— Потрясающее зрелище! — сказал Понго. — Кажется, будто здесь собирались собаки всех возможных пород.

— Кроме Корги, — сказала Хвостик. — Все Корги сегодня у Букингемского дворца.

В эту минуту к террасе подошел Боксер — тот самый, который показался Миссис на кого-то похожим.

— Сударыня, — сказал он, обращаясь к Хвостик, — я хотел бы взять одного из ваших братьев

в личные секретари, если вы не против. Он отличный парень.

— Хорошая мысль, — сказала Хвостик. — У всех членов Кабинета министров есть личные секретари. Тогда я возьму себе Кляксу. Ау, Клякса, где ты?

Клякса примчался мгновенно, а министр иностранных дел, собравшийся было вернуться в сад, столкнулся с ним на лету и сбил его на лужайку.

— Прости, приятель, — сказал Боксер, помогая Кляксе подняться. — Никак не освоюсь с этими полетами. Министр транспорта говорит, что если взлетел, то ты уже транспортное средство и должен придерживаться правил дорожного движения, но я как-то еще не чувствую себя транспортным средством. Не ушибся? Вот и отлично. Ладно, полетел искать своего нового секретаря.

— Наверняка он имеет в виду Счастливчика, — сказал Миссис, гордая за своего самого умного сына. — О-о! Понго, ты только посмотри!

Они оба слегка разинули рты, увидев, как Боксер подлетел к Пудингу, и тот радостно завилял ему хвостом.

Понго сказал:

— Хвостик, дорогая, по-моему, министр несколько ошибся в своем выборе.

Хвостик рассмеялась.

— О-о! Джордж весьма своеобразная личность. Но он милый. Пудинг тоже милый, так что они найдут общий язык. Между прочим, это может быть к лучшему: вдвоем попадать в неприятности безопасней, чем поодиночке.

Миссис сказала:

— Наконец!.. Я вспомнила, на кого похож министр. Конечно, на нашего Пудинга... Нечасто бывает, чтобы Боксер был похож на Далматинца, вот я сразу и не сообразила.

— У них взгляд похож, — сказала Хвостик. — А министру транспорта, наверное, придется взять себе сразу двух секретарей. У нее слишком много хлопот и с дорожным движением, и с парикмахером. Клякса, пожалуйста, посоветуй ей Счастливчика и его жену. А потом сразу возвращайся.

Довольный новой должностью, Клякса помчался в сад и нашел Барбару, а та, выслушав его, благодарно помахала лапой.

— Очаровательное создание, — сказала Миссис, махнув в ответ. — Хотя челка, по-моему, длинновата.

— Челку обычно подхватывают бантиком, — сказала Хвостик.

В этот момент раздался гулкий бой часов.

— Биг-Бен, — сказал Понго. — До чего же тут до него близко.

Миссис начала старательно считать удары. На ее счастье, считать пришлось только до трех. Три — хорошее, короткое число.

Хвостик повернулась к саду.

— Пора начинать! — позвала она министров.

Члены Кабинета, болтавшие в саду с Далматинцами, прекратили разговоры и поднялись на террасу. Клякса встал рядом с сестрой, Барбара тоже подошла со своими секретарями, Счастливчиком и его женой. Миссис выискивала глазами Пудинга, но ни он, ни министр иностранных дел на террасе не появились. Тогда Миссис окинула взглядом сад и увидела их возле калитки. Как раз в этот момент калитка открылась (уж конечно, не сама по себе), и министр со своим секретарем вышли на улицу.

— Вероятно, министр иностранных дел опаздывает, — сказала Миссис дочери.

— У нас нет времени его ждать, — ответила та и первой направилась в Зал Кабинета.

— Прошу всех сесть... Но только не в кресло с подлокотниками. Это место премьер-министра, и его займу я. Папа, пожалуйста, сядь вот здесь, справа от меня. А мама — здесь, слева.

Но Миссис отказалась, заявив, что не желает сидеть на стуле и ничего не понимает в политике.

— Когда премьер-министр выступает по телевизору, я даже не слышу, о чем он говорит, и толь-

ко жду твоего появления, моя дорогая. Так что вы заседайте, а я устроюсь возле окна.

На самом деле она хотела там сесть, чтобы знать, когда вернется Пудинг. Что еще он тут затеял? Теперь Миссис очень сомневалась в том, что вдвоем безопасней. Вдвоем эта парочка найдет себе вдвое больше приключений.

— Разумеется, мама, устраивайся, где тебе удобней, — сказала Хвостик, прыгнув в кресло премьера. — Пожалуйста, попрошу внимания!

Судя по тону, каким она обратилась к собравшимся, Хвостик вернула свою уверенность. Миссис радовалась за дочь и с гордостью слушала, как та замечательно описывает сложившуюся ситуацию. Хотя в какой-то момент ей стало казаться, что члены Кабинета и сами знают, какова эта ситуация, и хотят услышать от Хвостик не какая она, а почему она так сложилась и что делать дальше. Но Хвостик этого объяснить им не могла, и потому, едва закончив доклад, передала слово отцу.

— Мой знаменитый отец, — представила она его Кабинету.

Миссис вспомнила, какую пылкую речь, которую он произнес в ту холодную ночь, когда они отправились на поиски детей. Тогда его речь очень ей помогла, и Миссис подумала, вот бы он и сейчас произнес что-нибудь в том же духе.

Как ни странно, Миссис тут же показалось, что эта ее мысль немедленно передалась Понго.

— Леди и джентльмены! — начал он. — Когда-то давным-давно, когда мы с моей любимой женой отправились в свое опасное путешествие, я сказал ей, что когда о собаках слишком хорошо заботятся, они порой теряют любовь к приключениям и раньше времени стареют. Теперь же, глядя на вас, собравшихся за этим столом, я вижу, что здесь собрались исключительно те собаки, о которых всегда хорошо заботятся. Пусть среди нас нет толстяков, но в общем все довольно упитанные. Тем не менее, я не верю, что мы стали тяжелы на подъем. По-моему, мы готовы встретить любую опасность. Я прав или нет?

В ответ раздалось:

— Да! Конечно!

— Прав!

— Так и есть!

Некоторые члены Кабинета даже застучали одни по столу лапами, другие по стулу хвостами.

Понго продолжал:— Главный вопрос сегодня заключается в том, в чем состоит та опасность, которую мы готовимся встретить. Но ведь если бы мы знали ответ заранее, разве это было бы приключением? Разве не интересней не знать, что нас ждет? Так будем же с интересом и любопытством проживать каждую минуту и благодарить

нашу жизнь за все то хорошее, что она нам приносит. Только подумайте, сколько мы успели узнать нового за одно лишь сегодняшнее утро. Мы научились летать, открывать двери, слышать друг друга издалека. Никто не хочет есть, не мерзнет и не страдает от жары. И что, может быть, важнее всего: никто не ссорится. Совсем близко отсюда, на Площади Конной гвардии, собрались сотни... нет, тысячи собак. Но там не было ни одной драки. Ведь не было, не так ли?

Ответом ему было многоголосое «нет», и Миссис подумала, что Понго сейчас слушают не только члены Кабинета Министров. Его слушают за пределами зала, а может быть, даже за пределами Лондона. И, наверное, она была права, потому что гул одобрения был теперь похож на гул ветра. Хотя Миссис не совсем поняла, слышит ли она его на самом деле или только мысленно. Тем не менее, так или иначе, она его слышала. С каждой минутой она гордилась мужем все больше и больше. Он продолжал говорить. Он похвалил всех за сегодняшнее поведение (а Миссис похвалила его за то, что он их похвалил, потому что всем всегда приятно, когда их называют «хорошей собакой»).

Под конец Понго сказал:

— Мой друг, мистер Душечка, иногда любит читать жене вслух, и мы с моей Миссис сидим ря-

дом и тоже слышаю. Помню, однажды он читал биографию одного знаменитого премьер-министра, который жил в этом доме и любил часто повторять: «Поживем — увидим»*. Именно это и я хочу сейчас вам сказать, собаки всей Англии! Не тревожьтесь о том, что нас ждет. Поживем — увидим!

Ответом было общее ликовение. Миссис вспомнила, как не любил эту речь сэра Герберта мистер Душечка. По-видимому, все зависит от того, кто говорит и как. А Понго сказал эти слова так, что и Миссис пришла в восторг. Как и все остальные собаки в зале, она залаяла и застучала хвостом по полу.

Хвостик вскочила со своего кресла.

— Уважаемые члены Кабинета! — сказала она. — Мой отец подсказал нам, как быть. Будем ждать. Посмотрим, что будет дальше.

Будем ждать! Будем ждать! Гул собачьих голосов и мыслей становился громче и громче. Миссис даже засомневалась, хорошо ли это, и с облегчением услышала, как Понго, перекрывая весь этот шум, пролаял:

— Давайте ждать тихо!

И шум довольно быстро затих.

* Имеется в виду британский премьер-министр Герберт Асквит (1852–1928).

Понго обрадовался тишине не меньше Миссис: ему тоже не понравилось, что он уже не слышал собственных мыслей. Но и в то же время немного испугался. Огромная толпа повиновалась беспрекословно, и повиновалась ему! Это была очень серьезная ответственность. Он, правда, сделал что мог. Им в самом деле ничего больше не оставалось, только ждать, как будут развиваться события.

В эту минуту стеклянная дверь на террасу распахнулась, и в зал вбежали насквозь мокрые Пудинг и Джордж. И тут же хорошенко отряхнулись, обрызгав всех, кто сидел рядом, в том числе Барбару, которая, конечно же, возмутилась.

— Джордж, прекратите немедленно! — резко вмешалась Хвостик. — Отряхиваться нужно за дверью. Кроме того, вы пропустили заседание. Где вы были?

— Видите ли, я показывал Пудингу парк и озеро, и он просто к слову сказал, что умеет плавать, а я сказал, что не умею. А он сказал, что все собаки умеют плавать, и мы сбегали проверить. Оказывается, я в самом деле тоже умею плавать.

— Вам обоим следует пойти привести себя в порядок, — сказала Миссис.

Но как можно привести себя в порядок после купания без полотенца? Разве что покататься по

ковру. О чём Миссис и сказала Джорджу и Пудингу, и те немедленно последовали ее совету. Ковер становился все мокрее и мокрее, а они суще и суще.

— В Зале Кабинета не принято кататься по ковру, — в конце концов не выдержала Хвостик. — Премьер-министр никогда такого не допустил бы. Джордж, идите к себе. Проверьте, нет ли каких-нибудь сообщений из-за границы. — И пояснила отцу: — В этом и состоит работа министра иностранных дел.

— Связывались ли вы с Америкой? — спросил Понго.

— Еще нет. Но мы связались с Ирландией. Похоже, что этот ненормальный сон охватил чуть ли не весь Земной шар. В Европе творится то же самое... Джордж, прекратите, наконец, здесь сущиться.

— Вы правы, мадам, — сказал Боксер по имени Джордж. — Пудинг, идем, старик. Пошли поболтаем с Континентом.

Но не успели они подойти к двери, как та распахнулась. На пороге появился Полицейский Пес.

— Понго и Миссис! — сказал он громко. — Сеанс срочной связи. Вас вызывает Пастух. У него потрясающие новости.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Потрясающие новости

— За мной! — скомандовала Хвостик и стрелой пронеслась к лифту, который немедленно распахнул перед ней дверь и так быстро взлетел наверх, что Миссис не успела испугаться. Поднявшись на последний этаж, они вышли, и Хвостик привела их в комнату с открытыми окнами. На каждом окне, на подоконнике, стояли два Фокстерьера и к чему-то внимательно прислушивались.

Хвостик тоже вспрыгнула на подоконник и скомандовала толпе на Даунинг-стрит:

— Прошу полной тишины! Нам нужно принять важное сообщение.

Внизу мгновенно наступила тишина.

Один Фокстерьер сказал:

— Это непростая пастушья овчарка, мэм. Это Пастух-Генерал.

— Передайте ему, что Понго и Миссис прибыли в пункт связи.

Фокстерьеры громко залаяли хором, а потом — сразу оба — замолчали и прислушались. Прошло лишь несколько секунд, и один сказал:

— Генерал на связи!

Кивком Хвостик подозвала к окну родителей. Поставив лапы на подоконник, они подняли головы. Почти тут же услышали голос Генерала. И тут же отозвались.

— Понго? Миссис? — лаял в Саффолке Генерал. — Да, я узнал вас. Это новое изобретение просто потрясающее. Говорить с Лондоном напрямую! Ладно. Теперь смотрите не упадите: у нас проснулись кошки.

— Все? — ахнул Понго.

Кошек в Англии, наверное, миллион, если не больше. А кошки часто терпеть не могут собак. Понго развелся: теперь стычек не миновать.

— Нет-нет, не все. Только миссис Прутник и ваша Белая Персидская. Они обе здесь, рядом со мной. Кроме них еще кое-кто проснулся. Малыш Томми!

— Томми? — Понго не поверил своим ушам. — Но это прекрасно. Значит, чрезвычайное положение можно отменить. Скоро проснутся и все остальные.

— Нет, ничего это не значит, — сказал Генерал. — На ферме спят, как и спали. У вас дома

тоже. Я только что бегал в Ад-Холл, — Генерал называл его по привычке Ад-Холлом, — мы с Принцем пытались их разбудить. Даже потрясли немного... э-э... да-а... из лучших побуждений. Никто даже не шелохнулся. Не проснулся и муж вашей кошки. Она сначала перепугалась, а потом я объяснил, в чем дело.

— Пожалуйста, объясните это и мне, — сказал Понго.

— Да вот же! Меня тут осенило... Э-э... Честно говоря, сначала осенило миссис Прутник, но я стоял с ней рядом, так что нам в голову пришла одна и та же мысль. Вы, конечно же, помните, что вскоре после вашего переезда в Ад-Холл мы наградили миссис Прутник и вашу Персидскую званием «Почетная собака». А Томми... Ведь когда он еще только учился разговаривать и мы с ним общались на смеси собачьего с человеческим, он тогда просился в собаки. Так что и Томми, и ваша Персидская, и моя миссис Прутник — они все отчасти собаки.

— Могу ли я поговорить с нашей кошкой? — попросила Миссис, которой не терпелось узнать домашние новости.

— Это невозможно, — ответил Генерал. — Они же собаки только отчасти и потому не могут делать всего того, что умеем мы. Не умеют слышать

мысли на расстоянии, не умеют летать. Но, к счастью, они так же, как и мы, не хотят ни пить, ни есть. Это большое облегчение. А к Томми частично вернулась способность меня понимать. У него светлая голова... Впрочем, как и у кошек. Теперь мы просто обязаны попасть к вам в Лондон.

Понго сказал:

— Да-а, но как? Если ни он, ни кошки не умеют летать? Кошек вы еще могли бы посадить к себе на спину, но Томми — нет.

— Мы придумали план. Томми сядет на трактор. Он еще ни разу его не водил, зато сидел за рулем у отца на коленях, и отец разрешал ему класть руки на руль. К тому же, Томми знает, как заводить мотор. Мы уже попробовали — заводится. Короче говоря, если мы все вместе — мы с Томми, кошки, юный Джек-Рассел — все сядем на трактор и все будем думать, что трактор едет, у нас всё получится.

— И когда вы намерены сюда приехать? — спросил Понго.

— Если ехать с той скоростью, с какой трактор ездит на ферме, мы попали бы в Лондон, наверное, через неделю. Но у миссис Pruitt есть одна идея. Она у нас большая умница!.. Особенно если учесть, что она все-таки кошка... Не стану вас утомлять техническими деталями, скажу только,

что быстро не ездил еще ни один трактор. Так что приедем через пару часов.

— Что ж, желаю удачи! — пролаял Понго, недоумевая, какие такие технические детали могла придумать пестрая деревенская кошка. — Ждем вас на Даунинг-стрит.

— Ваша Белая говорит, что сначала мы должны заехать в один дом возле Риджент-парка. Она говорит, что вы знаете, где он, и просит нас там встретить.

— Но зачем туда заезжать, Генерал? — удивился Понго.

— Не могу знать. Но она сказала, что это необходимо.

Тут они услышали голос Джека-Рассела.

— Пора выступать, Генерал! Пора действовать!

— Каков нахал, — сердито сказал Генерал. — Впрочем, Понго, юноша прав. До встречи у Риджент-парка. Выступаем!

Сеанс связи закончился.

Хвостик, слышавшая весь разговор, сказала:

— Сделаем, как он сказал. А пока они едут, раз уж нам все нужно их ждать, по пути можно заглянуть в Зоопарк.

— Я о нем и забыл, — сказал Понго. — Как дела в Зоопарке?

— Судя по последним донесениям, все в порядке. Все животные спят, кроме сотрудников Зо-

опарка, а те регулярно делают обход. ...Ой-ой, а ведь там наши дальние родственники, они тоже могли проснуться. Например, волки...

— Надеюсь, что нет, — сказала Миссис. Она видела этих родственников по телевизору, и они ей не понравились.

Хвостик сказала:

— Хорошо бы Генерал и в самом деле прибыл часа через два. В такой день, как сегодня, всё возможно... Папа, ты вполне мог бы встретить Генерала один. Надеюсь, ты справишься без мамы. Мне пора в большую гостиную. Там меня ждут несколько леди из провинции. Думаю, уже зајдались. Хорошо бы мама помогла мне провести прием.

— Генерал сказал, что я им понадоблюсь, — сказала Миссис, которой ужасно захотелось вернуться в свой старый дом хоть ненадолго.

Кроме того, была и еще одна причина. Миссис, кажется, поняла, почему белая кошка назначила встречу именно там. Но об этом Миссис промолчала, потому что не хотела раньше времени беспокоить Понго.

На это Хвостик сказала, что в таком случае она справится и сама, а с родителями может пойти кто-нибудь другой. Может быть, кому-то хочется посмотреть на дом, где они появились на свет.

— Сейчас спустимся и спросим. Только пусть Клякса останется со мной. Если он, конечно, не против.

— Разумеется, он лучше останется с тобой, зачем ему смотреть на дом, — сказала Понго.

Они спустились в зал, где доложили Кабинету о сложившейся ситуации, и милейшая Барбара согласилась ненадолго отпустить своих новых секретарей, которым очень захотелось увидеть дом. Так что в конечном итоге Понго с Миссис отправились к Риджент-парку почти со всеми детьми, если не считать Хвостик, Кляксу и Пудинга. За Пудингом Хвостик собралась было послать, но Полицейский Пес, который нес караул у дверей, доложил, что министр иностранных дел увел его на экскурсию по городу.

— Мама, с ними все будет в порядке, — сказала Хвостик. — Джордж знает город прекрасно.

Миссис не была уверена, что знание города в данном случае могло чему-то помочь, но пришлось смириться.

Полицейские Псы провели семейство Далматинцев до угла, прокладывая им в толпе дорогу, а там Далматинцы легко взмыли в воздух и направились в сторону Зоопарка.

Миссис никогда в жизни не хотела посетить Зоопарк, но, увидев животных, мирно спавших за

крепкими железными решетками, немного перестала бояться этого места. Сотрудники охраны Зоопарка встретили Далматинцев с чрезвычайным радушием, лишь посетовав на то, что многоуважаемая Хвостик не смогла выкроить время для экскурсии. Один из охранников сказал:

— Мы-то надеялись на нее посмотреть. Ведь теперь, когда люди спят, ее даже по телевизору не увидишь.

Понго подумал, а в самом деле, почему бы ей не выступить по телевизору. Теперь, когда собаки обрели такие потрясающие способности, неужели никто из них не сможет справиться с телевизором? Уж с ним-то с помощью метафизики это наверняка можно. В телевидении вообще было что-то загадочное — всегда, даже без всяких метафизических снов. Нужно будет не забыть и позже поговорить об этом с дочерью.

Далматинцы раньше видели (конечно, по телевизору) других животных, но когда те были не на экране, а рядом, это все было несколько... непривычно. Слоны, львы, тигры, жирафы, обезьяны, полярные медведи, тюлени — их было слишком много. Но зато все лежали совершенно неподвижно и только тихо посыпывали во сне. Из-за волков Миссис встревожилась зря. Волки тоже спали. Хотя они и были их дальними родственни-

ками, но лишь дальными, и звания почетных собак им никто не давал. Вероятно, в этом и было все дело.

Спали и птицы на своих насестах. Но самое странное зрелище представляли собой спавшие рыбы. Они висели в воде будто нарисованные.

Далматинцы не успели осмотреть и половины Зоопарка, когда Миссис сказала, что, по ее мнению, пора уходить. Тайные опасения не давали ей покоя, и к тому же Миссис хотелось поскорее встретить отряд Генерала и поделиться своими подозрениями с белой кошкой.

Они попрощались с приветливыми сотрудниками Зоопарка, которым теперь, впрочем, стало не до них, потому что следом за ними в Зоопарк хлынул поток посетителей, и охрана с трудом поддерживала порядок у турникетов на входе. Попрощавшись, Далматинцы двинулись к Кольцевой.

Они отошли совсем недалеко, когда вдруг услышали, как их кто-то зовет лаем, и лай становился всё громче. Далматинцы завертели головами.

Лай доносился откуда-то сзади. Понго молча приказал своим остановиться. Все остановились, повернувшись назад, а буквально через несколько секунд увидели потрясающее зрелище: на мост через Регентский канал на огромной скорости вылетел Трактор.

За рулем на тракторе сидел юный Томми, а рядом с ним были Генерал, Джек-Рассел, Белая и деревенская миссис Прутник. Все сосредоточенно смотрели на дорогу. И потому пронеслись мимо изумленных Далматинцев, не заметив их. Сзади Трактор толкала дюжина крупных Далматинцев из тех, что оставались в Сад-холле. Далматинцы неслись по воздуху, и Трактор тоже, не касаясь земли, несся по воздуху.

— Надо же, Летучий Трактор, — сказала Миссис. — Как метафизично!

— За ними! — скомандовал Понго. — Вперед!

Далматинцы догнали Трактор, как раз когда он остановился перед бывшим домом Душечек. Генерал, Джек-Рассел и обе кошки спрыгнули на тротуар, а Томми остался за рулем и, кажется, о чем-то говорил с Трактором.

— Нужно же его поблагодарить, — пояснил Генерал, отвечая на вопрос Понго. — Трактор действовал великолепно! Просто как человек.

— Вы хотите сказать: как собака, — поправил его Понго. — Между нами, мы не ожидали, что он доставил вас сюда с такой скоростью.

— Принц подобрал для нас крепких ребят, — сказал Генерал. — А мы, сидевшие впереди, его направляли, что оказалось, однако, тоже совсем непросто.

Томми наконец тоже расстался с Трактором. Он поздоровался с Понго и Миссис, и они его поняли, но с трудом, хотя раньше, когда он еще не умел разговаривать по-человечески, понимали неплохо.

— Это дело практики, — сказал Генерал. — Я понимаю у него почти все, а он почти наполовину понимает меня. Все-таки больше, чем взрослые.

Тем временем все Далматинцы, включая прибывших с Генералом, слушали Счастливчика, который им что-то рассказывал, показывая на кухонные окна.

— Папа, можно ли нам войти в дом? — спросил он. — Двери ведь наверняка откроются.

— Это может не понравиться людям, которые теперь там живут, — отозвалась Миссис.

— Но они же спят, — сказал Счастливчик, которому очень хотелось показать жене кладовку, где он появился на свет.

Он взбежал по ступенькам, попросил дверь открыться... Дверь осталась закрытой, как и была.

— Это потому, что в этом нет необходимости, — сказала Миссис. — К тому же, мне не хочется видеть, как изменился дом.

Жена Счастливчика, смотревшая в кухонное окно, сказала:

— Дорогой, мне все прекрасно видно и через окно. А если ты мне опишешь эту кладовку, я смогу и ее себе представить.

Но Счастливчик в первые две недели своей жизни, которые провел в кладовке, почти все время спал и потому мало что помнил, так что вместо него это сделал Понго. Понго начал рассказывать, а все стали слушать... Не слушала только Миссис. Оставив свое семейство, она подошла к кошкам и сразу, без обиняков спросила, зачем им понадобилось встречаться именно здесь. Не на экскурсию же они всех привели.

— Ничего не имею против экскурсии, — ответила Белая. — Собственно говоря, у меня остались очень теплые воспоминания об этом доме. Но нам нужен не он, а вон тот. Где прошла худшая часть моей жизни — дом Круэллы де Вил. Я всеми шерстинками чувствую, что она вернулась.

— Она действительно вернулась! — воскликнула Миссис. — Я так и подумала, что вы это из-за нее. Я тоже чувствую, что она здесь. И думаю, она наверняка имеет какое-то отношение к этому загадочному сну.

— В таком случае, Круэллу нужно остановить, — вклинилась в разговор миссис Прутник. — Мне не нравится мир без людей.

— Нужно попасть в дом и напугать Круэллу, чтобы она снова сбежала, — сказала Белая. Хотя явно имела в виду не только напугать.

Миссис, всегда считавшая, что ни собаки, ни кошки не имеют права причинять вред людям, согласилась с большим удовольствием.

— Идемте поговорим с Понго, — сказала она. Но не успели они сделать и шага, как замерли в изумлении.

Потому что к ним, на огромной скорости, с оглушительным лаем мчался Страффордширский Терьер. Он не успел вовремя затормозить, хотя и постарался изо всех сил, но все же сбил нескольких Далмитинцев с ног.

— Парни, извиняюсь, — рявкнул он. — Никто не пострадал?.. Э-э, старые знакомые! Понго и Миссис. Не забыли меня?

— Конечно же нет! Ты и твой мебельный фургон спасли нам жизнь.

— У тебя дома тоже все спят? — сказала Миссис.

— Еще как, — сказал Страффордшир. — Дрыхнут без задних ног. Я хорошенько их потрепал, пока не сообразил, что тут что-то не так. Надеюсь, я не переборщил... Да, надеюсь.

— Ну-да, я тоже надеюсь, — сказал Понго, прекрасно знавший характер Страффордшира.

Страффордшир жил с двумя братьями, которые ласково называли его то «Снаряд», то «Самозапуск». Все трое просто обожали друг друга.

— А я только что слетал в Зоопарк, чтобы встретиться там с одним парнем из охраны, — сказал Страффордшир, — и от него узнал, что вы верну-

лись. Может, хоть вы мне объясните, что такое сегодня творится. Вам не кажется, что тут замешаны наши старые враги?

— Мне очень даже кажется, — сказала Белая. — И по-моему, ее следует хорошенько наказать.

Старший уставился на нее во все глаза.

— Вот не знал, что кошки тоже проснулись.

— Обе эти кошки носят звание почетных собак, — сказал Понго. — Они наши друзья.

— В таком случае, и мои друзья тоже, — сказал Старший, тут же отогнав мысль загнать обеих кошек на дерево. Разумеется, не со зла, а всего лишь забавы ради, но кошки таких забав не понимают, у них нет чувства юмора.

Слова Белой ему понравились.

— Если ты хочешь наказать собачьих воров, можешь на меня рассчитывать. Я еще тогда это предлагал Понго.

— Нет, нет и нет, — сказал Понго. — То, что происходит сегодня, не имеет к Круэлле никакого отношения. Забудьте о ней.

Как ни странно, на этот раз его никто не послушался.

— Круэлла злая женщина, — сказал Генерал. — Я хорошо ее знал, когда она была хозяйкой Ад-Холла. По меньшей мере, нужно проверить, здесь она или нет. К тому же я пообещал Томми при случае ее показать.

Томми направился к Трактору и сел за руль. Генерал, Джек-Рассел и кошки последовали его примеру. Счастливчик наклонился к отцу:

— Папа, нельзя лишать их права поступать, как они считают нужным. Но не беспокойся, я помогу тебе сохранять порядок. Все наши будут следовать каждому твоему слову.

«А Генерал? — подумал Понго, — А Страффордшир?» И тот, и другой очень сильные собаки. Да и кошки могут не на шутку расцарапать человека.

Тем временем Джек-Рассел яростно залаял:

— Растерзаем Круэллу в клочки!

— Тракторный эскорт, на позицию! — скомандовал Генерал.

Тут Понго встал впереди и сказал, что они с Миссис войдут в дом первыми. Остальные Далматинцы вместе со Страффордширом приготовились толкать Трактор, и вся компания рванула с места вперед на огромной скорости.

— Быстрей! Еще быстрей! — лаял Джек-Рассел.

— Угомонись, сынок, — сказал ему Генерал. — В Лондоне есть ограничения скорости, и мы должны их соблюдать. Томми, придерживайся правил.

— А как? — спросил Томми.

— Очень просто. Думай только о том, что не запрещено, — ответил Генерал.

Трактор теперь двигался медленнее, но все

равно только что не подталкивал Понго с Миссис, так что они его побаивались и с облегчением вздохнули, когда наконец достигли дома Круэллы. Они прекрасно помнили, как входили туда в последний раз, когда, в снежный холодный Сочельник, белая кошка попросила их о помощи, и они изодрали в клочья все хозяйские меха.

— Надеюсь, здесь никого нет, — сказал Понго.

Белая кошка спрыгнула на дорогу, молниеносно слетела вниз по ступенькам, заглянула в кухонное окно и подозвала Понго.

— Она здесь, — сказала кошка. — Вон на столе ее перечницы. Она всё всегда ест только с перцем.

Теперь Понго оставалось надеяться на то, что двери им не откроются. «Нам этот дом ни к чему, и значит, они не откроются», — утешил себя он.

Но, видимо, они зачем-то были здесь нужны. Дверь сама собой распахнулась, словно приглашая их войти.

Они вошли.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Звонкая девочка

Белая кошка вошла в кухню.

— Как всегда, везде грязь, — заключила она.

Тут кто-то из Далматинцев чихнул, потом еще кто-то, потом еще.

— Это перец, — объяснила Белая кошка. — Вся кухня в перце. Кажется, его стало больше, чем раньше.

Понго увидел на столе рецепт пирога. Рецепт назывался: «Мой любимый пирог».

— «Разложить тесто на противне, — прочел Понго. — Густо посыпать черным молотым перцем. Разложить мелко нарезанное мясо. Густо посыпать белым молотым перцем. Густо смазать хреном, смешанным с горчицей. Сверху посыпать красным перцем. Подавать обжигающе горячим».

— Такой пирожок обожжет рот, даже если будет из морозилки, — сказала Миссис.

Теперь чихали почти все.

Генерал сказал:

— Поднимемся лучше наверх. Может, там будем меньше чихать. Хотя... там могут обнаружиться вещи похоже перца. Томми, на всякий случай держись рядом со мной. Ты не сможешь постоять за себя, как мы, собаки.

Поднявшись из кухни на первый этаж, они оказались в холле, где стены были разрисованы яркими остроугольниками.

— Раньше они здесь были из зеленого мрамора, — сказала Миссис.

— Мрамор был искусственный, — сказала Белая кошка.

— А в гостиной из красного мрамора, — вспомнил Понго. — Очень был похож на настоящее мясо.

Миссис заглянула в приоткрытую дверь гостиной.

— О-о, как в холле, только еще хуже, — сказала она.

Между острыми ромбами и прямоугольниками в гостиной были еще и жуткие остроугольные лица. При опущенных шторах, в полумраке, эти лица казались жуткими даже днем. Миссис поклонилась.

А Понго заглянул в соседнюю дверь, где была столовая, и отпрянул, посоветовав Миссис туда не смотреть.

— Совсем уж страшные лица. По-моему, это портреты Круэллы.

— Вряд ли она где-то здесь, — сказал Генерал. — Дом совсем не похож на жилой.

— Может быть, она наверху, — сказала Белая кошка, с удовольствием раздирая когтями красный тканый ковер. — Идемте посмотрим.

Кошка оглянулась на Страффордшира и кивком позвала за собой.

— Всегда готов! — откликнулся тот и, глядя на дырку в ковре, добавил: — По-моему, мы с тобой похожи, хотя ты предпочитаешь действовать когтями, а я зубами.

Понго повернулся к своим.

— Круэллу не трогать! Она не может иметь отношения к тому, что сейчас происходит.

— Понго, ты ошибаешься, — с чувством отозвалась Миссис.

Может ли он ошибиться? Понго вдруг испугался, что очень даже может. Во всем этом безмолвном доме, в жутких нарисованных лицах было что-то совсем непонятное. Что, если это Круэлла всех заколдовала, тогда никто не проснется до тех пор... До тех пор, пока Круэлла не получит того, что ей нужно. Впрочем, Понго в любом случае был не в силах остановить Страффордшира и Белую кошку, уже бежавших по

лестнице. Понго кинулся их догонять, а за ним — все его семейство.

Белая кошка остановилась перед одной дверью.

— Там спят де Вилы, — сказала она.

Дверь медленно приоткрылась. В комнате стояла полная темнота, и кто-то издавал странные лающие звуки. Это было так страшно, что даже Страффордшир и кошка попятились, хотя оба были очень храбрые.

— Я конечно умею видеть в темноте, но не в такой, — сказала Белая кошка. — Тут черно, как в бочке с чернилами.

Тогда Понго, привыкший брать на себя самое трудное, сказал:

— Ладно, первым пойду я.

— Я с тобой, — сказал Генерал.

— Нет, — твердо ответил Понго. — Кто-то должен остаться с Томми.

Миссис вышла вперед и встала бок о бок с Понго. Ей было очень страшно идти в темноту, но ведь настоящая храбрость в том и состоит, чтобы делать то, что должен, когда очень страшно.

Тут и Страффордшир опомнился и тоже встал рядом с Понго, с другого боку.

— Остальные ждут нас здесь, — сказал Понго. — Нет, Счастливчик, ты тоже. Как знать, кто там прячется.

Джек-Рассел, который так хотел попробовать себя в деле, что его даже била дрожь, тоже наконец пробился сквозь плотные ряды Далматинцев. Его горячность понравилась Понго, но он все же велел терьеру оставаться с Генералом и Томми.

— И вы, кошки, ждите нас здесь. Вы конечно тоже собаки, но всего лишь наполовину.

Лающие звуки в спальне показались еще громче, темнота — еще чернее, когда Понго, Миссис и Страффордшир медленно-медленно вошли в спальню. Миссис даже стало дышать из-за сгустившейся темноты.

— Хотел бы я хоть что-нибудь видеть! — подумал про себя Понго.

И в ту же секунду тяжелые занавески, закрывавшие два высоких окна, слегка раздвинулись, впустив в комнату ярких солнечных луча, и все увидели две постели. На одной лежал маленький человечек, со строгим, мрачным лицом. Это был мистер де Вил, и он громко храпел. Это и были те самые страшные звуки, которые всех испугали. Храп и в самом деле был необычный, но теперь, когда все поняли, что это лишь храп, он уже никому не казался страшным.

— Кто бы мог подумать, что такой шпендрик способен так храпеть, — сказал Страффордшир.

На второй постели лежала Круэлла. В ней не было ничего ни смешного, ни страшного. Но и улыбки на лице, как у спящих Душечек, тоже не было. На губах у нее играла кривая ухмылка, брови хмурились, и, может быть, от этого острый нос казался еще остree. Вполне возможно, ее никто не испугался, потому что Круэлла спала и ее черные, с красными отблесками, глаза были закрыты. При одном только воспоминании о них Миссис стало не по себе.

— Первый раз в жизни вижу, чтобы у леди были черно-белые волосы, — сказал Страффордшир.

От двери послышался голос Счастливчика:

— Теперь можно?

— Только тихо, — сказал Понго.

Первой в спальню вошла Белая кошка.

— Когда мы разодрали меха, белые волосы у нее позеленели от злости, — сказала она, — так что теперь ей наверняка приходится краситься. Смотрите-ка! Никаких горностаевых простыней! Тот день, когда я разодрала их в клочки собственными когтями, был лучшим днем в моей жизни.

— А эти-то простыни из чего сделаны? — проворчал Страффордшир, приглядевшись к ее постели. — Вроде как похоже на жесть.

— Наверное, пластик, — сказала Белая кошка. — Когда мистер де Вил из-за нас закрыл свою

меховую мастерскую, он занялся выпуском пластиковых плащей. Наверное, это пластик и есть.

Белая кошка мечтательно выпустила коготки, прикидывая, что бы тут разодрать, и оглядела полуосвещенную спальню.

Далматинцы уже рыскали по ней, обнюхивая углы, как вдруг послышался странный звон, будто металл лязгнул о металл.

— Понго! — воскликнула Миссис. — Мы же сегодня видели вывеску этой фабрики! «Звонкая одежка»!

Тут Понго заметил в углу спальни — там, где раньше стояли стойки с меховыми пиджаками и юбками, — теперь на плечиках висят пластиковые плащи. Вероятно, это был какой-то новый пластик. Обычный пластик не звякает, как металл. Любопытные собаки подошли их обнюхать. Звяк, звяк! Звяканье было громкое и наверняка разбудило бы Круэллу, если бы та спала обычновенным сном.

Малыш Томми, как следует постаравшись, снял один плащ и поднес к окну. Плащ блестел, как черненый металл. Но Томми рассматривал его недолго, потому что уронил на пол и забормотал что-то себе под нос.

— Томми говорит, что плащ очень тяжелый, — пояснил Генерал и попытался взять его зубами. —

Ого! Женский плащик весит почти как рыцарские доспехи.

Белая кошка подошла было к плащу.

— Не трогай его, дорогая, — остановила ее миссис Прутник. — Повредишь коготки.

— Ты права, — откликнулась та. — Тут нужен консервный нож.

Миссис, которая всегда интересовалась новинками моды, потому что ими всегда интересовалась миссис Душечка, разглядывала плащи на стойке с безопасного расстояния. Они были всех цветов радуги: пурпурные, изумрудные, синие, оранжевые. «В самом деле, выглядят очень миленько», — подумала она. Миссис подошла поближе, решив, что трогать их не будет и, значит, ничего плохого они ей не сделают. Понюхала и... оцарапала нос об острый воротник. «Все правильно, — подумала она. — Чего еще можно было ждать от плащей Круэллы де Вил».

Тем не менее, в этой спальне, стоя рядом со своим злейшим врагом, Миссис почувствовала, что Круэлла больше не представляет собой для них угрозы. Даже Белой кошке расхотелось ее исцарапать. Только Страффордшир не потерял боевого задора и по-прежнему скалил зубы, не сводя глаз с Круэллы.

Понго заметил этот взгляд. Он знал, что Страффордшир бойцовая собака. Когда-то давным-давно — когда люди любили жестокие развлечения, — этих собак заставляли драться не на жизнь, а на смерть, и потому их нельзя винить за бойцовский нрав. Но в ту минуту было не время его показывать, и Понго решительно сказал:

— Друг мой, оставим ее в покое.

— Вы, Далматинцы, чересчур мягкосердечные, — сказал Страффордшир. — Она столько сделала зла вам и вашим — и, будьте уверены, сделает, как только представится случай. Так что лучше расправиться с ней сейчас, пока она спит и даже этого не поймет.

— Как можно напасть на спящую женщину, — сурово сказал Генерал. — Это все равно, что стрелять в фазанов на токовище.

Страффордшир смущился. Ему нравилась его жизнь, нравилось разъезжать в мебельном фургоне, но иногда он завидовал деревенским охотничьям собакам и всегда мечтал с ними подружиться. Услышав слова Генерала, он понял, что едва не совершил удачную ошибку. Он понятия не имел, что нельзя трогать фазанов на токовище.

Видя его смущение, Генерал смягчился.

— Не хочу сказать, что не ценю ваших бойцовских качеств. Был бы счастлив, окажись вы рядом,

когда я сам хотел драться с помощниками Круэллы братьями Плоходело. Но сейчас, Понго, пора покинуть этот странный дом. Мой друг, леди Хвостик, вероятно, уже нас заждалась.

Тут шторы на окнах сдвинулись сами собой, будто знали, что свет здесь больше не нужен. В темноте снова стало страшно, и все поспешили к двери, задевая стойки, и плащи от этого закачались, громко звякая. Когда все благополучно выбрались из спальни, Миссис с облегчением вздохнула.

Белая кошка оглянулась на дверь.

— Наверное, мы в самом деле чересчур мягко-сердечные. Второго такого шанса у нас не будет. Но, как говорится у людей: не тронь спящего дьявола. Не так ли, дорогая Пруттик?

— У людей говорится: не тронь спящую собаку*, — сказал вместо нее Генерал. — Хотя, скажу честно, я не совсем понимаю, что они хотят этим сказать. Меня они будят каждый раз, стоит мне задремать. Чаще всех это делает юный Томми.

Томми, который это слышал, прекрасно понял, что Генерал шутит. Он обнял своего друга за шею, и так, в обнимку, они первыми пошли вниз.

Входная дверь дома открылась, выпуская собак, и Миссис сказала Понго:

* Так у англичан звучит поговорка, похожая на нашу «не тронь лихо, пока спит тихо».

— Значит, на самом деле у нас не было необходимости сюда входить. Почему же дверь нас впустила?

— Потому что нам необходимо было знать, что нет никакой необходимости, — сказал Понго.

Входная дверь хлопнула у них за спиной. Миссис подняла голову и, в последний раз взглянув на окна спальни, где в полной темноте хралел мистер де Вил и висели пластмассовые плащи, с облегчением вдохнула, радуясь яркому полуденному солнцу.

Далматинцы, толкавшие Трактор, встали на исходную позицию.

— Понго и Миссис тоже должны сесть с нами, — сказал Генерал. — Нехорошо, если родители леди премьер-министра будут бежать перед нами на своих четырех, а мы на них поглядывать.

Стаффордшир отошел в сторонку. Он вообще сомневался, что на Даунинг-стрит его впустят на порог. Генерал посмотрел на него и догадался.

— Давайте-ка и вы к нам, — сказал генерал. — Буду счастлив в наше неспокойное время иметь в друзьях такого храбреца.

— Садись сюда, — сказала Белая и немного подвинулась, давая место новому приятелю.

— Леди, это большая честь для меня, — ответил ей Стаффордшир, хотя еще утром ему не при-

шло бы в голову так вести себя с кошкой.

Миссис, которая теперь больше не боялась Круэллы, отправилась на Даунинг-стрит с легким сердцем. Улицы, как и утром, были полны собак, но Трактор летел над толпами без остановок.

Сверху они смотрели на собак, собравшихся изо всех уголков Англии.

— Впечатляющее зрелище, — сказал Генерал. — Надеюсь, наша умница Хвостик знает, зачем они здесь.

«Разве что она это вдруг узнала за последний час», — с грустью подумал про себя Понго. Ему не хотелось выдавать растерянность дочери, и потому он сказал так, чтобы слышали все:

— Ну да, конечно, она знает!

— Но это государственная тайна, да? — сказал Генерал.

— Надеюсь, мы все скоро всё будем знать, — вмешалась Миссис.

Теперь она вся была полна ожидания... Так когда-то, когда Миссис ждала щенков, однажды сказала миссис Душечка, и Миссис запомнила эти ее слова. Миссис считала, что когда кто-то полон ожидания, для страха в нем попросту не остается места. А теперь, когда выяснилось, что единственный враг Далматинцев, и та спит, им было нечего бояться.

Понго был рад видеть, как изменилось настроение Миссис, но сам не разделял ее чувств. Он-то и раньше знал, Круэлла не имеет никакого отношения к странным происшествиям этого дня. Так что сам он только обрадовался бы, если бы узнал, что это ее проделки. Потому что, пусть она и была очень злая, но она была знакомой и понятной. То, что творилось вокруг, было непонятно, и устроил это кто-то (или что-то) явно намного более могущественный, чем Круэлла де Вил. А Далматинцы до сих пор понятия не имели, где же он (или оно) прячется.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Голос звезды

Полицейские Псы помогли добраться до Даунинг-стрит и пообещали позаботиться о Тракторе. Дежурный полицейский в вестибюле дома номер 10 сказал, что премьер-министр находится наверху в гостиной. Понго и Миссис повели всех наверх.

Их дочь там сидела одна — если не считать верного Кляксу — и в огромной, очень красивой гостиной казалась совсем крошкой. А еще — очень встревоженной. Но при виде вошедшей компании она радостно улыбнулась и от души поздоровалась с Генералом, с кошками и с Далматинцами, толкавшими Трактор.

— Я как-нибудь тоже должна прокатиться на тракторе, — сказала она.

Потом Хвостик тепло поздоровалась с Томми и с Джек-Расселом, а потом сама подбежала к Стаффордширу.

— Старый друг, я вас прекрасно помню, — сказала она. — Это вы тогда нас спасли.

— Какая память! — подумала про себя Миссис.

— Какое самообладание! — подумал про себя Понго, который, разумеется, успел заметить встревоженный вид дочери.

Он доложил об их вылазке и о выводах: Круэллу сейчас нечего опасаться.

— Вот и прекрасно! — сказала Хвостик и пригласила всех на экскурсию в спальню премьер-министра.

— Всех? — удивился Генерал. — Разве нас не слишком много?

— Конечно, нет. Я полдня водила к нему всех желающих посмотреть, как он спит. Уверена, он был бы польщен.

Впрочем, она тут же перепоручила экскурсантов Кляксе и сказала родителям:

— Вы там уже были. Пожалуйста, останьтесь со мной.

Как только они оказались одни, Хвостик перестала улыбаться. Все эти два часа ей пришлось развлекать прибывших из провинции дам, и это оказалось ужасным испытанием.

— Разумеется, они очень милые, но светская болтовня так утомительна. Я просто сойду с ума! В это время мы с премьер-министром смотрели

телевизор. Ему подавали бокал шерри, а мне мятные пастилки.

— Я тоже люблю мятные пастилки, — вздохнула Миссис.

— Ах, мама, вон на столе целая коробка. Возьми, если хочешь.

Миссис облизнулась на коробку. Но тут выяснилось, что ей теперь больше нравится хотеть съесть пастилки, чем их есть. Есть как раз совсем ничего не хотелось. Миссис не могла даже припомнить, когда была так сыта.

— Сейчас неплохо было бы посмотреть телевизор. Телевидение объединяет. Как ты думаешь, мы сумеем его включить?

— Но там же ничего не идет. Люди спят!

Понго хотел было сразу включить телевизор, чтобы там показали его дочь к радости ее почитателей. Но потом ему в голову пришла другая мысль. И он подумал, что телевизор в самом деле может помочь. А весь этот день собакам удавалось все, что им было в самом деле нужно.

Понго подошел и сел перед стоявшим в гостиной большим телевизором. Телевизор был не как у Душечек, а другой модели, и Понго не знал, на какую кнопку нужно нажать, чтобы его включить. Потом он сообразил, что нажимать на кнопки не обязательно. Конечно, обычно он.... С другой сто-

роны, обычно и двери не открываются сами собой. Так что сегодня, возможно...

Понго сосредоточенно смотрел на пустой экран и думал, до чего же им нужно, чтобы телевизор включился.

И вдруг р-раз! Одна кнопка сама собой нажалась!

Заметил это только сам Понго. Он не хотел раньше времени ничего говорить...

Потом телевизор тихо загудел, послышался незнакомый звук, очень высокий, но мелодичный и приятный, будто кто-то играл на каком-то неведомом джазовом инструменте.

— Работает! — воскликнула Миссис, прыжком повернувшись к телевизору, где уже засветился экран.

— Не может быть! — ахнула Хвостик.

Они сели и начали ждать, когда же появится картинка, но экран лишь слабо светился.

— Ну вот, — сказала Хвостик печально. — Ничего там не идет.

Но в этот самый момент экран засветился ярче, превратился из серовато-белого в серебристо-белый, а потом наконец засиял, как сияют в полной темноте самые мощные фары. А когда он начал светлеть, в гостиной начало темнеть, и под конец стало совершенно темно. Три собаки сидели в со-

вершенно темной комнате и смотрели на ослепительное сияние экрана. Потом и экран по краям немножко потемнел, а свечение собралось в одну точку и стало похоже на звезду.

— Понго! — воскликнула Миссис. — Именно это мне и приснилось! Яркий свет превратился в звезду... Вот в эту звезду! Это та самая звезда, которая вчера была у нас над конюшней.

— Ты хочешь сказать, что проснулась и увидела звезду над конюшней? — спросил Понго. — Да, сегодня звезды были на удивление яркие.

— Да нет же! Она мне приснилась. Именно вот эта звезда!

— Да, Миссис, тебе приснилась именно эта звезда, — вдруг послышался голос из телевизора.

Такой голос собаки слышали впервые. Это был голос не человека и не животного. Понго он показался похожим на голос мистера Душечки, а Миссис — на голос миссис Душечки, а Хвостик — на голос премьер-министра. Им стало немного страшно, и в то же время приятно.

Голос тем временем продолжал.

— Сегодня ночью меня во сне видели все собаки. Запомнили свой сон, как Миссис, немногие. Но они вспомнят. Это тоже часть плана.

— Какого еще плана? — строго спросила Хвостик. — Отвечайте немедленно!

Но сразу опомнилась и сменила тон.

— Прошу меня понять. На мне лежит большая ответственность!

— Ты отлично справляешься, — сказал Голос, на этот раз улыбнувшись. — И у тебя на редкость умные помощники. Я имею в виду твоих родителей.

Миссис сказала:

— Ничего подобного! Я никогда не была умной.

— Ум, Миссис, бывает разный, — сказал Голос. — У тебя прекрасно развита интуиция. Ты понимаешь, что происходит и почему, без размышлений.

— Это как метафизика? — спросила Миссис.

— Еще и есть метафизика, — сказал Голос, явно продолжая улыбаться. — Понго в отличие от тебя рассудительный. За это его и называют одним из лучших умов Собачьего Мира, разве не так?

Понго смутился, но был польщен. С тех пор, как он спас щенков, оказавшись умнее Скотланд-Ярда, многие хвалили его за сообразительность. Но всё это было в прошлом.

— Боюсь, мой ум немножечко заржавел без тренировки, — сказал он.

— Ржавчину снять недолго, — сказал Голос. — Это ведь ты, Понго, напомнил собакам: «Поживем — увидим!». Очень было умно с твоей сторо-

ны. Ты восстановил их покой. А на этот раз именно ты догадался включить телевизор. Тоже умно, пусть эту мысль и подсказал тебе я.

— Ты? — изумился Понго.

— Да, именно я, — отвечал Голос. — Так что мы с тобой поладим, о рассудительный Понго! А с Миссис поработаем вместе над ее метафизикой. А с Хвостик.... Перейдем к вашей дочери. Какая она у вас? Она рассудительна, как отец, и в то же время умеет слушаться своей интуиции, как мать. Неплохо, неплохо. Немножко слишком честолюбива, не так ли? — Голос, судя по интонации, явно подшучивал над Хвостик.

— Разве это плохо? — сказала Хвостик. — Десятки тысячи собак ждут, когда я им скажу, что делать. С какой стати я должна скромничать?

— Не должна, — ответил Голос. — А теперь послушайте, что скажу я. Слушайте внимательно и передайте другим. Мои слова должны дойти до всех. Большинство научились сегодня принимать мысленные сообщения, но остаются еще те, особенно в отдаленных уголках, кто не успел научиться ловить мысленные сигналы. С ними необходимо связаться вечером по обычной, старой добной дальней связи в Собачий Час. Сообщения должны быть четкими и понятными. Все, кто может, должны прийти в Лондоне и к полуночи

явиться на Трафальгарскую площадь. Те, кто живут в других городах, должны собраться на главной площади или в центральном парке. В деревнях и на фермах должны выйти на открытое место или подняться на горку — где хорошо видно небо. И все — везде! — должны сделать это до полуночи.

— А что случится в полночь? — спросила Хвостик.

— О-о, как же ты нетерпелива! Последуй совету своего отца, наберись терпения, — сказал Голос.

Миссис вдруг испугалась. Может быть, она просто испугалась слова «полночь». Только недавно, утром, она сказала Понго, что в полночь все не так, как днем, в полночь страшно, а тут именно в полночь придется сидеть и ждать неизвестно чего. наверняка это страшно. Но не успела она додумать, как Голос сказал:

— Да, Миссис, будет страшно. Но разве тебе порой не бывает приятно, когда тебя немножко пугают? Разве тебе самой это не нравится?

— Нет, — твердо сказала Миссис.

— А мне нравится, — сказал Понго.

— Слова истинного храбреца, — похвалил его Голос. — А что скажет наша юная Хвостик? Как она относится к своим страхам?

— Никак. Мне некогда бояться, — сказала Хвостик. — Мне нужно срочно заняться рассылкой сообщений. Должна ли я разослать их по всей Англии? А как насчет Шотландии? Туда посыпать?

— И в Шотландию, и в Уэльс. Не нужно только за море.

— Но разве там не происходит то же самое? — спросила Хвостик.

— Происходит, — ответил Голос. — Но вот судьбу остального собачьего мира предоставь, пожалуйста, мне... А теперь можете каждый задать мне по вопросу. Я отвечу на любой кроме «Что будет дальше?».

Именно этот вопрос вертелся на языке у Понго, Миссис и Хвостик.

— У вас мало времени, — сказал Голос.

— Кто ты? — спросил Понго.

— Ответить на твой вопрос почти то же самое, что сказать, что будет дальше. Наберись терпения, Понго.

— Если мне понадобится помочь, как с тобой связаться? — спросила Хвостик.

— Никак. Ты должна все сделать сама. Теперь твой вопрос, Миссис. У тебя осталось пять секунд.

Миссис изо всех сил старалась придумать какой-нибудь действительно важный вопрос, и звезда уже начала меркнуть, когда Миссис

в конце концов неожиданно даже для себя спросила:

— Куда подевался Пудинг?

Тот, как ушел на экскурсию прогулку по городу вместе с министром иностранных дел, так больше не появлялся.

— А-а, это ваш милый сын, — ответил Голос. — Боюсь, на этот вопрос я тоже не отвечу. У меня нет времени его искать. Я сейчас думаю обо всех. Увидимся в полночь.

Звезда исчезла, и экран телевизора погас. Телевизор, громко щелкнув кнопкой, сам собой выключился, и темная комната вновь заполнилась солнечным светом.

Хвостик сказала:

— Он тебе понравился?

— Это был «он»? — удивилась Миссис. — Мне показалось, что это «она».

— Вряд ли, — сказала Понго. — Хотя, вероятно, нам следует называть его «оно».

— По-моему, это невежливо, — сказала Миссис. — А если оно... то есть, она... то есть, он ... услышит?

— Тогда будем называть его «оно», потому что для нас это был просто голос, — сказал Понго.

— Надеюсь, оно услышит, — сказала Хвостик. — Мне очень хотелось бы, чтобы оно знало, что

если сначала оно мне понравилось, то потом мне стало казаться, что над нами просто издеваются ... Это не слишком вежливо, когда у всех и так нервы на пределе.

И она мрачно посмотрела на телевизор.

— Если тебе есть что сказать по этому поводу, включи телевизор, — добавила она.

Но телевизор не включился. А через несколько минут вернулись те, кто уходил смотреть на премьер-министра. Понго, Миссис и Хвостик принялись наперебой рассказывать о том, что произошло. Они лаяли хором, и сначала никто ничего не мог ничего понять, но потом всё же разобрались.

— Что ж, по крайней мере, теперь мы знаем, что кто-то держит руку на пульсе, — сказал Генерал. — Но кто?

Юный Томми взволнованно затараторил что-то на своем, только им с Генералом понятном языке, и они поговорили пару минут, а потом Генерал сказал:

— Это, может быть, важно. Томми считает, что тот, кто с вами сейчас разговаривал, находится в Дальнем Космосе.

Понго вспомнил книжки с научной фантастикой, которые видел в комнате Томми. Возможно, мальчик и прав. Понго решил задать ему несколь-

ко вопросов. Но вдруг телевизор, громко щелкнув кнопкой, снова сам собой включился.

Экран не засветился, только голос сказал довольно раздраженно:

— Понго, не суй нос, куда не следует. Томми, держи свои дурацкие идеи при себе. Хвостик, займись делом. Если кто-то к полуночи не придет, это может плохо для них закончиться.

С этими словами телевизор выключился. Томми обиделся. Генерал ласково лизнул его в щеку, и они тихо пошептались между собой. А потом Генерал сказал:

— С Томми всё в порядке. Голос был сердитый, но это всего лишь голос. В нем на самом деле не было злости. Вот отец Томми, например, терпеть не может фантастику. Но он же добрейший человек.

— При чем тут отец Томми? — спросила Хвостик.

— Томми показалось, что это был голос его отца.

— Мне пора, — сказала Хвостик. — Мне нужно установить мысленную связь со всей страной. И назначить час для дальней связи. Папа, не могли бы вы с мамой мне помочь?

— Охотно, — ответил Понго. — Только лаять мы будем не с Даунинг-стрит, а, как и раньше, с нашей Цветочной Горки в Риджент-парке.

— Прекрасно! — сказала Хвостик.

Она повернулась к Кляксе и отправила его за Полицейским Псом, снабдив инструкциями: освободить дорогу Понго и Миссис от Даунинг-стрит к Цветочной Горке; включить по всему пути зеленый свет.

Когда все указания были выполнены, Понго и Миссис легко вылетели на Даунинг-стрит, потом свернули на Уайтхолл и вскоре домчались до Трафальгарской площади.

— Вот тут мы и должны собраться к полуночи, — сказал Понго.

— В полночь каждая собака должна лежать в своей корзинке, — проворчала Миссис. — Ах, Понго, как же мне хочется, чтобы всё было уже позади. А тебе?

Понго подумал, подумал, и понял, что нет, ему этого не хочется.

— Послушай, Миссис. Попробуй посмотреть на это иначе. Мы с тобой провели в корзинках много-много прекрасных, спокойных ночей. А теперь, разнообразия ради, проведем одну ночь на площади.

— Разве что ради разнообразия, — отзвалась Миссис.

Когда они возвращались на Тракторе, у неё было так легко на сердце, но с тех пор, как услы-

шала Голос... Потом Миссис вспомнила, что Голос добрый... по крайней мере, был сначала.

Они уже летели над Риджент-парком. До тех пор у Миссис не было времени о нем думать. А сейчас она вспомнила, как они любили здесь гулять после свадьбы вместе с Душечками.

Через минуту они вылетели к Цветочной Горке.

— До чего теперь все по-другому, — сказал Понго. — Когда мы бегали сюда на сеанс связи из-за щенков, было холодно... Ты была в голубом пальто. Оно так тебе шло. Никакой листвы не было ...

— Даже представить себе сейчас не могу их без листьев, — сказала Миссис, глядя сверху вниз на густые зеленые кроны.

Начинало смеркаться. Было по-прежнему тепло и безветренно.

— Пора начинать, — сказал Понго. — На этот раз полаем по-настоящему.

Давненько им не приходилось лаять по-настоящему. Если не считать чрезвычайных случаев вроде пропажи щенков, собаки пользуются дальней связью, только чтобы посплетничать о соседях или поболтать с приятелями. Но в Сад-Холле жизнь и без того была полна событиями, и они редко кем-то интересовались. Если же вдруг Генералу хотелось перекинуться с ними словеч-

ком, проще было сбегать в гости. Так что Понго и Миссис немножко утратили прежние навыки и слегка нервничали.

Поначалу у них были для того все причины. Они несколько раз пролаяли трижды (тройной лай означает, что дальше последует важное сообщение), но никто не ответил.

— Значит, нужно громче, — сказал Понго.

Они залаяли громче. Сначала на север, потом на юг, потом на восток и запад. Но никто не отозвался.

— Мы не можем подвести дочь, — сказал Понго. — Она рассчитывает на нас. Еще разок, Миссис. Давай — только на север. Раньше там в Хэмпстеде жил замечательный Датский Дог. Ты же помнишь, как он нам помог в прошлый раз.

И они залаяли на север. Никогда в жизни Миссис не лаяла с таким усердием. Никто не отзывался, но они лаяли и лаяли. И наконец в тихом жарком воздухе они услышали гулкий бас.

— Он там! — Воскликнул Понго. — Он по-прежнему в Хэмпстеде. Он нас слышит!

— Не могу поверить своим ушам! — гремел Датский Дог. — Неужто старые друзья Понго и Миссис? Через столько времени! И в такой исключительный день, когда связь почти не работает! Терпеть не могу все эти нововведения.

— Но у вас в Хэмпстеде есть ведь новая связь? Вы там знаете, что происходит?

— Разумеется. Хотя они слишком расплывчаты. И нет установленного часа для их приема. Я очень уважаю вашу дочь, но она напрасно бежит делиться со всем миром своими мыслями всякий раз, когда они приходят ей в голову. А что она такое шлет со своей Даунинг-стрит, вообще выше моего понимания. С какой стати я должен идти ночью на Трафальгарскую площадь?

— С такой, — сказал Понго.

И он рассказал Датскому Догу про Голос и про всё, что тот велел передать по Собачьей Связи.

— Что ж, по крайней мере, теперь всё понятно, — сказал Датский Дог. — Можете на меня положиться. У меня друзья на севере, на юге, на западе и востоке. Мы постоянно поддерживаем контакт без всяких этих мысленных передач. Давайте-ка уточним текст. В городах собаки должны собраться на главной площади или в центральном парке. В поселках собаки должны собраться на рыночной площади. В деревнях — на открытом месте или на горке. Верно?

— Абсолютно верно, — сказал Понго. — а вы сами-то присоединитесь к нам на Трафальгарской площади?

— Нет, каким образом? Я вам не какой-нибудь желторотый юнец.

— Если лететь, тут совсем недалеко.

Большой Датский Дог ответил на это, что он, разумеется, научился летать и полетал немного у себя над газоном, но, с такой комплекцией, он чувствует себя в воздухе по-дуряцки, потому ночью пойдет на пустырь в Хэмпстеде.

— Отличное открытое место, — сказал он. — А теперь извините, пора заняться делом. Работа предстоит большая.

— Удачи! — пожелал ему Понго и отключился.

Миссис спросила у Понго:

— Что он имел в виду, когда сказал, что он не желторотый? У него что, раньше был желтый рот?

Понго рассмеялся.

— Это такое выражение, дорогая. Он хотел сказать, что уже немолод.

— А когда он был молод, он ведь не был желторотым?

— Конечно, нет, дорогая, — ответил Понго.

Тут они услышали вдали голос Датского Дога. Тот взялся за дело. Миссис вспомнила, как именно его гулкий бас принес им первое известие, когда они сходили с ума от отчаяния, не зная, куда подевались дети. Сейчас все они, слава Богу, вы-

росли, стали хорошими, умными, хорошо воспитанными собаками, и могут сами позаботиться о себе... Кроме разве что Пудинга. Вырасти-то он конечно вырос, но умным его, пожалуй, не назовешь... И куда же он подевался? Миссис тревожилась за него не на шутку, но не стала делиться опасениями с Понго. Ему и без того было о чем тревожиться.

Понго тревожился обо всех собаках и, глядя, как в меркнувшем вечернем небе над парком засыхают первые, еще бледные звезды, думал о предстоящей ночи. Что с ними со всеми будет?

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

На Трафальгарской площади

Хвостик не делала никаких специальных распоряжений, чтобы расчистить родителям дорогу на Даунинг-стрит, потому что не знала, когда они вернутся, и сейчас главные улицы были забиты еще больше, чем днем. Но Понго прекрасно знал маленькие боковые улочки и переулки — еще с тех самых пор, когда они с мистером Душечкой, молодые и неженатые, любили прогуливаться там по вечерам. Потому он без труда провел Миссис до Уайтхолла. Но там они застряли намертво, хотя до Даунинг-стрит оттуда, казалось, хвостом подать. Толпы собак устремились к Трафальгарской площади, и пробиться сквозь них было почти невозможно.

Понго послал дочери мысленный сигнал, но ответа не получил, и рядом не было ни одного полицейского. И тут Миссис сказала:

— Если мы теперь умеем взлетать над землей только потому, что мы думаем, что умеем, то почему не попробовать подняться повыше и перелететь через толпу?

— Можно попытаться, — с сомнением сказал Понго.

— Давай вместе. Ну! Сосредоточились!

Они молниеносно взмыли с места в воздух, как два вертолета. Понго, поднявшись над головами самых крупных собак, остановился, а Миссис, видимо, так поверила в свои силы, что взлетела футов на двадцать*.

— Это уже чересчур. Спускайся! — крикнул Понго.

— Мне тут нравится, — отозвалась Миссис.

— Там опасно. Если ты вдруг усомнишься в своем умении, падать будет больно.

— Давай — ты вверх, я — вниз. Встретимся посередине, — предложила Миссис.

Она спустилась, а он поднялся, и они встретились на высоте в десять футов и полетели дальше на глазах у потрясенной толпы.

— Какая ты умница, — похвалил Понго.

* Примерно на 7 метров.

— Метафизика, — отозвалась Миссис.

Они свернули на Даунинг-стрит и приземлились точнехонько перед дверями дома номер 10.

Дежурный Полицейский Пёс сказал, что их дочь сейчас на совещании Кабинета Министров, но когда они поднялись в Зал Кабинета, совещание уже закончилось.

— Мы просто не знали, о чем говорить, — сказала Хвостик, — так что пришлось поставить на голосование вопрос о самодоверии.

О министре иностранных дел и о Пудинге по-прежнему ничего не было слышно.

Хвостик обрадовалась, узнав, что сообщениями по дальней связи теперь занялся Датский Дог.

— Он свое дело знает. А мысленные сообщения я уже и сама разослала. Их теперь научились принимать почти все. Самое трудное здесь — отличать их от собственных мыслей. Я лишь не понимаю, как мы попадем на Трафальгарскую площадь. Нам, конечно, зарезервировали места на ступеньках и на портике Национальной Галереи, но толпа прибывает, а регулировать движение все сложнее.

Миссис рассказала, как они с Понго добрались до Даунинг-стрит, и все члены Кабинета немедленно побежали в сад, чтобы попрактиковаться.

— Томми и кошкам, наверное, лучше не рисковать, — сказала Хвостик. — Пусть останутся здесь.

— Это нужно обсудить с Генералом, — сказал Понго.

Они поднялись в гостиную, где их ждали Генерал и его команда, и доложили обстановку. Ни Томми, ни кошкам не понравилась идея оставаться в особняке, когда все соберутся на площади. Они попросили разрешения приехать на Тракторе.

— Трактор не проедет, — сказала Хвостик. — Улицы все забиты напрочь.

— Трактор, наверное, тоже смог бы перелететь через толпу, — сказала Миссис.

— Думаю, Миссис права, — поддержал ее Понго. — Может быть, и получится, если собрать команду побольше, хорошенько подтолкнуть и хорошенько себе представить, как он летит.

Тут они позвали из сада Далматинцев и вышли на Даунинг-стрит тренироваться. Там теперь было достаточно свободного места, потому что все постепенно перебирались на площадь. Трактор взлетел с первой же попытки и поднялся над дорогой на шесть футов.

— Тогда надо поскорей выходить, — сказала Хвостик. — Лучше прийти заранее, чтобы наши места не заняли.

Она отправила Кляксу и Счастливчика звать всех, кто еще оставался в саду. А сама поднялась наверх, чтобы еще разок взглянуть на спящего на премьер-министра.

— Понго с Миссис должны ехать с нами на Тракторе, — сказал тем временем Генерал. — Как и наша леди Хвостик. Такое появление поднимет ее престиж.

Хвостик, которая вскоре спустилась вниз, обрадовалась его предложению. Ей до того не хотелось оставлять премьер-министра, что вряд ли у нее хватило бы желаний на высокий взлет. Кроме того, подумала Хвостик, если она поднимет свой престиж, то это благотворно скажется и на премьер-министре.

Да, там было на что посмотреть, когда они, наконец, двинулись в путь! За рулем сидел юный Томми, рядом с ним в кабине расположились Генерал, Страффордшир, Джек-Рассел и обе кошки. Хвостик с родителями устроились на крыше, чтобы их всем было хорошо видно. Остальные Далматинцы (за исключением пропавшего Пудинга) облепили Трактор со всех сторон, мысленно помогая ему лететь. А следом за Трактором летел Кабинет Министров в полном составе (за исключением пропавшего министра иностранных дел) с эскортом, в который вошли все, кто дежурил в тот день на Даунинг-стрит, 10. Грациознее всех в этой процесии была министр транспорта Барбара. Ее кокетливая челка на этот раз была подхвачена бантом, который ей помогла прикрепить жена Счастливчика.

Толпа приветствовала их восторженным лаем. Возле зарезервированных для Кабинета Министров мест еще оставалось достаточно места, чтобы там приземлился Трактор, и вскоре все с ним прибывшие расположилась на портике Национальной Галереи.

Понго, Миссис и Хвостик сидели на самом верху между двух колонн, откуда видно было всю Трафальгарскую площадь. На площади, как и на прилегающих улицах, было не протолкнуться. Все собаки вели себя более чем прилично, но, конечно, они между собой переговаривались, и шум стоял оглушительный.

— Ничего не слышно, — сказала Миссис.

— Вот и отлично, — сказала Хвостик. — Я сейчас так нервничаю. Не хочу, чтобы мои мысли сейчас кто-то услышал.

Миссис и сама нервничала. Стемнело, но хотя уже появились звезды, света от них было мало, и, наверное, четыре огромных льва в центре возле Колонны казались Миссис живыми. Днем не казались, но в такую ночь могло случиться все что угодно, и львы могли и ожить. Миссис готова была поклясться, что видела, как они шевелились.

— Хорошо бы, здесь стало светлее, — сказала она.

— Да, действительно, — согласился Понго, догадавшийся, что ей страшно.

Не успели они сказать, как случилось то же, что случалось с утра весь день: их желание исполнилось. Сами собой зажглись фонари. В домах застветились окна. По всему городу новые высотные здания засверкали огнями, превратившись в сверкающие коробки. При свете Миссис наконец удостоверилась, что львы, как были, так и остались каменными, и шевелились не они, а взобравшиеся на них собаки. Понго посмотрел в том же направлении. Отблески света играли на фигуре человека на верху колонны.

Понго сказал:

— Да, при таком освещении статуя Нельсона прекрасно смотрится, не так ли?

— Просто великолепно, — сказала Миссис. — А кто такой Нельсон?

— Тот самый великий адмирал, который однажды сказал: «Англия ждет от каждого из нас, что мы выполним свой долг». Правда, он это не сказал, а просигналил флагками.

— Опять метафизика, — сказала Миссис. — Просигналить флагками — почти то же самое, что передать мысли на расстояние... Знаешь что, Понго, если немножко переделать его слова, ты мог бы то же самое сейчас сказать собакам.

Понго согласился. И когда, немного позже, его попросили произнести речь, он закончил ее так:

— Англия ждет, что каждая собака выполнит свой долг.

Успех от этих слов оказался даже больше, чем от «Поживем — увидим».

— Я не вижу, чтобы кто-нибудь здесь был испуган, — сказала Хвостик, слушая овацию, которой встретили слова ее отца. — У всех хорошее настроение, как и днем.

— Это больше, чем просто хорошее настроение, — сказала ее мать. — Это надежда, которая всех наполняет. Разве ты не чувствуешь, дорогая?

Хвостик прислушалась и поняла, что мать права. Ощущение надежды накатывало огромной волной, готовой ее захлестнуть. «Захватывающее чувство», — подумала Хвостик и в тот же миг почувствовала, как и в ней затеплилась надежда. Неизвестно на что. Она даже почувствовала себя наконец счастливой. Ведь именно она, любимая собака премьер-министра, справилась с поставленной задачей! Она — Первая Собака всего Королевства, народ ее обожает, а она обожает его!

Это было волшебное ощущение.

Понго тоже испытывал нечто подобное и тоже чувствовал себя счастливым. Почти, как в те времена, когда он, влюбленный, ухаживал за Миссис. Что касается Миссис, она, наконец, перестала всего бояться. Пудинг, конечно, вернется домой

целым и невредимым, как он возвращался всегда. А Понго, а Хвостик!... Они с ней рядом. Миссис ими гордилась... И собой теперь тоже гордилась. Разве не она придумала, как перелететь через толпу? Она по праву стоит здесь, на почетном месте, рядом со своим знаменитым мужем и знаменитой дочерью.

Ощущение счастья захватило всех. Генерал беседовал со Стаффордширом и Джек-Расселом, и те, затаив дыхание, слушали, как он задержал братьев Плоходело. Далматинцы стояли рядом, морща носы в блаженной улыбке. Министр транспорта Барбара, под громкие аплодисменты толпы, танцевала с министром финансов. А остальные члены Кабинета выглядели так, будто только что одержали победу на парламентских выборах.

Тысячи и тысячи собак, собравших на Трафальгарской площади и соседних улицах, чувствуя, как их подхватывает волнной общая радость, запели. Иначе говоря, тоненько и протяжно завыли, что у них и называется пением (Томми и кошки придерживались на этот счет другого мнения, но и они, пусть и не чувствовали себя до такой степени счастливыми, как собаки, тоже были веселы и довольны.)

А до чего же красиво там были освещены здания! Понго разглядывал освещенные окна, а по-

том поднял голову. Звезды казались крупнее, чем обычно. Прошлой ночью, когда они с Миссис вышли в сад на прогулку вместе с мистером и миссис Душечкой (как давно это было!), они тоже казались крупными, но теперь стали еще больше. Да, звезды стали просто огромными, и потрясающие яркими, и казались ближе, чем всегда. Чем дольше Понго на них смотрел, тем радостнее становилось у него на душе.

В конце концов, радость так его захлестнула, что он не мог ею не поделиться. И Понго громко пролаял:

— Смотрите! Смотрите, какие огромные звезды!

Все, кто был на Трафальгарской площади и соседних улицах, подняли головы. От красоты ночного неба у всех перехватило горло, пение смолкло. Над площадью пролетел общий вздох восторга. А потом наступила полная тишина. Все смотрели на звезды, как зачарованные.

Никогда в жизни Понго не был так счастлив. Так чувствует себя голодный, когда берет еду, или замерзший, когда входит в тепло, или очень одиночное существо, когда встречает любовь. Понго вдруг захотелось спросить у Миссис, чувствует ли и она то же самое, но не смог — он не смог отвести глаз от звезд. Но он все равно почувствовал,

что и Миссис, и все остальные собаки тоже счастливы, потому что иначе и быть не могло.

Он не знал, сколько всё это продолжалось. Не знал уже даже, кто он и где он. Он как будто перестал быть самим собой, слившись со всеми в единой спокойной радости. И лишь одной, крохотной частицей сознания он продолжал оставаться Далматинцем по имени Понго. Вдруг эта крохотная частица услышала, как бьет Биг-Бен. Понго начал считать удары: бум, бум, бум... Неужели уже наступила полночь? Значит, вот-вот настанет великий момент? Значит, сейчас они узнают.... Что же они узнают?

Городские огни сразу погасли. Но звезды продолжали сиять, ярко, как и сияли. А одна звезда сияла ярче всех, становясь ближе и ближе.

Миссис охнула.

— Понго, она сейчас на нас упадет!

Но звезда не упала, хотя то, что произошло дальше, оказалось не менее страшным. Звезды в небе вдруг погасли. Все. Как городские огни. Осталась гореть только одна огромная, приближавшаяся к ним звезда. А потом погасла и она. Площадь погрузилась в черный, будто чернила, мрак. И оттуда, из этого мрака, донеслись последние удары Биг-Бена, отбивавшего полночь.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Собачья звезда

Никогда в жизни храбрый Понго так не пугался. Никогда не дрожал от страха. Он хотел унять дрожь. Но не смог, и стоял, продолжая трястись.

Вдруг он заметил, что с обеих сторон, к нему, ища его защиты, прижались жена и дочь, и трясет их еще больше. Тогда Понго твердо сказал себе, что не имеет права показывать свой страх. Миссис и Хвостик должны быть уверены, что он — сильный, надежный, как скала, пёс — способен их защитить в любой ситуации. Но надежные, как скалы, псы не трясутся, будто осиновый лист, так что Понго пришлось собраться и унять дрожь. К сожалению, больше он ничем не мог им помочь. Не смог даже сказать хоть пары ободряющих слов, потому что у него перехватило горло.

Толпа на площади была так же безмолвна. Среди многих тысяч собак, собравшихся здесь, ни

одна не заскулила, ни одна не тявкнула. На площади царили мрак, страх и безмолвие.

Понго до того хорошо старался казаться храбрым, что и в самом деле стал меньше бояться, и наверное потому у него снова начала работать голова. Первое, что е го голова сделала, она задалась вопросом — почему все молча сидят, несмотря на страх? Положим сначала все попросту оцепенели, но толпа собак не может оцепенеть надолго. Так почему же стоит такая тишина? Даже никто не скунит. Это очень странно.

И Понго вдруг понял, что кто-то — неизвестно кто, но кто-то очень могущественный — управляет гигантской толпой. Когда эта мысль пришла ему в голову, высоко в небе над площадью появилось слабое пятнышко света, и Понго понял, что это что-то зажглось на верхушке колонны. Потом свет, осветив на мгновение статую Нельсона, вспыхнул вдруг до того ослепительно, что Нельсона стало снова не видно. Яркое сияющее пятно приняло очертания звезды — той самой, которую Понго видел по телевизору. Звезда осветила площадь и все соседние улицы. Понго даже подумал, что этого света хватило бы на весь Лондон.

Несколько мгновений стояла полная тишина. А потом — откуда-то из звезды — раздался голос. Тот же самый голос, который Далматинцы слышали

по телевизору, только теперь он был еще сильнее и еще добрее.

Голос сказал:

— Собаки! Приветствую вас! Забудьте о страхе. Страх и темнота были нужны, чтобы вы по-настоящему оценили свет и радость. Но теперь все плохое закончилось. Начиная с этого момента, ваша жизнь наполнится блаженством.

Над толпой прошелестел вздох.

Голос продолжал:

— Но блаженство ждет только тех, кто его примет. Выбор за вами.

— Что он называет блаженством? — шепотом спросила Миссис у Понго.

— Что-то вроде очень большого счастья, — тоже шепотом ответил тот.

Голос, наверное, услышал их перешептывание, потому что сказал:

— Блаженство, Миссис, означает идеальное счастье, какого никто из вас никогда не испытывал, если не считать того краткого чувства, что вы испытали перед наступлением темноты. Помнишь?

— Ах вот как! Значит, это и было блаженство? — удивилась Миссис. — В таком случае, мне нравится блаженство.

— Очень хорошо, Миссис, — сказал Голос. — И я вам предлагаю принять его.

В образовавшейся паузе вдруг громко заговорила Хвостик. Голос казался ей похожим на голос премьер-министра, а вот уж кого она никогда не боялась. Потому сейчас она храбро сказала:

— Позвольте от имени здесь присутствующих задать вам один вопрос: кто вы такой?

— Браво, Хвостик! — раздалось в толпе.

— Да! Вот именно. Кто вы такой? — поддержали ее другие.

На мгновение наступила полная тишина.

— Неужели я его обидела, — шепнула Хвостик на ухо Понго.

Голос ее услышал и сказал:

— Нет, Хвостик, ты меня не обидела. У вас есть полное право задать этот вопрос, и я вам на него отвечу.

Звезда засияла еще ярче, и Голос, мелодичный, хотя немного похожий на раскат грома — не страшный, а сильный как гром, — ответил:

— Меня зовут Сириус, Властелин Собачьей Звезды. Многие тысячи лет я смотрю с неба на Землю. Я помню собачье племя, когда оно еще было диким. Я видел, как оно менялось после встречи с людьми, знаю, что собаки давно стали ручными, порой избалованными созданиями. Я любил вас всяких — и диких, и ручных — и всегда желал лишь одного: чтобы вы пришли ко мне,

на мою звезду, скрасить мое одиночество. Но никогда я не считал себя вправе звать собак за собой. А теперь считаю. Потому что скоро может настать день, когда из-за человеческой глупости Земли не станет... По крайней мере, той Земли, какой ее знаете вы. Если вы не послушаетесь меня, те, кто выживет, будут страдать, голодать и драться друг с другом ради жалкого существования. Все ли поняли меня? Думаю, не все, но одна собака здесь меня понимает наверняка — это ваш премьер, ваша Хвостик. Кто живет на Даунинг-стрит, тот знает, о чем я говорю. Так ведь? Ответь, Хвостик!

— Вы о страшном оружии и страшных войнах, которые способны уничтожить Землю. Да, действительно, кое-кто из людей считает, что это оружие необходимо ... Но ведь не все, а уж войны-то никто не хочет. И я не верю, что она будет. Ведь даже самая злобная собака не станет уничтожать всех — и себя в том числе, — только чтобы победить в драке. Это глупо.

— Глупо с собачьей точки зрения, — сказал Сириус. — Но разве кто-нибудь из людей прислушивается к мнению собак? Люди не считаются даже друг с другом. Ты права, когда говоришь, что войны никто не хочет. Но риск войны существует, и это дает мне право вмешаться, чтобы спасти

vas. Конечно, я допускаю, что для меня этот риск предлог. Но причиной тому моя искренняя любовь к собакам.

В приятных раскатах Голоса послышались слегка заискивающие нотки, как будто он хотел немножко к ним подольститься. Точь-в-точь, как премьер министр в своих выступлениях, когда хотел всех убедить, что он хороший. В такие моменты Хвостик подходила к нему, клала голову на колени или смотрела на него преданным взглядом. Потому она сейчас вспомнила про своего любимого премьера, который спал на Даунинг-стрит непробудным сном, и громко сказала:

— Все это прекрасно, Властелин Сириус, но разве собаки способны бросить своих друзей?

— Своих друзей? — прогремел Голос, который мгновенно изменился и теперь звучал грозно. — У вас нет друзей. У вас есть хозяева. Да, вы привыкли делать вид, будто дружите с ними на равных. Кое-кто из людей вам даже в этом потакает. «Ах, мой пес выводит меня на прогулку!». Всем известно, что это ложь, и вам в том числе. Вас выводят на поводке и в ошейнике. Выводят, когда этого захотят они, а не вы. Вы сидите под замком и не можете сами открыть дверь. Кто из вас до сегодняшнего утра умел открывать двери?

— Ты, например, открывал, если это была не круглая ручка, — шепотом сказала Миссис мужу. — Ты даже задвижку зубами отодвигал.

— Миссис, какой смысл шептаться, я все равно слышу. Я даже мысли ваши слышу, — сказал Сириус. — Да, Понго в самом деле иногда открывал двери, но разве он мог их открыть каждый раз, когда это вам было нужно? Разве он — да и все вы — мог позволить себе идти, куда хочет и когда хочет? А Хвостик, которая считает, что премьер-министр без нее никуда, ни разу не была в Палате Общин.

Сириус попал в точку. Хвостик очень хотелось туда попасть, а однажды она даже попыталась проникнуть на заседание тайком, и ее — о, стыд! — ее выставили и отправили домой в сопровождении полицейского. Понго, который стоял рядом, понял, что сейчас чувствует дочь, и положил голову ей на плечо на плечо.

Сириус продолжал.

— А ведь Хвостик — удивительная собака. Как и ее отец Понго, которого можно смело назвать прирожденным организатором. Как ее мать Миссис, редкая умница, которая первая придумала, как взлетать над землей. Как и знаменитый пастуший пес Генерал, и его юный друг отважный Джек-Рассел, и все члены Кабинета министров.

На самом деле каждая собака удивительна и не-повторима. На свете нет обыкновенных собак.

Дальше Сириус похвалил собак каждой породы, не пропустив ни одной. На это ушло немало времени, потому что названные поднимали восторженный лай и успокаивались не сразу. Не забыл Властелин Звезды и беспородных собак, которых, по его словам, он особенно ценит и любит.

— Собаки смешанных пород умны и по-своему красивы. А как же к ним относятся люди? Они называют их оскорбительным словом: дворняги!

На это отозвался из толпы один такой пес.

— Таким, как я тоже, бывает, везет. Меня, например, дома любят.

— Да, но они тебя стесняются, — сказал Сириус. — Разве нет? Разве они не говорят о тебе: «Ах, он у нас помесь. «Хайнц — Пятьдесят семь вариаций»*?

Пес не нашелся, что ответить, тем более, что его так и назвали: Хайнц. Ну и что с того? Что в этом плохого?

Сириус продолжал говорить.

— Нет такой собаки, будь она хоть Чемпион Породы, хоть Победитель Всемирной Выставки, которую не водили бы на поводке, не купали бы,

* Реклама «Хайнц — 57 вариаций» вошла в эмблему компании.

когда она не желает купаться, кому не запрещали бы лаять и не заставляли бы делать то, что нужно людям, а не собаке. Что же говорить о тех, кому повезло меньше? Они терпят побои, голодают, попадают в приюты...

— Пожалуйста, не надо, — взмолилась Миссис.

— Надо или нет, но это происходит с вашими соплеменниками, — сурово сказал Сириус. Но тут же смягчился. — Не бойся, Миссис. Больше такого не случится. Никогда и ни с кем. Если вы согласитесь последовать за мной на Собачью Звезду.

Хвостик сказала:

— Но как? Как собаки могут за вами последовать? Понадобится, наверное, миллион ракет, чтобы нас перевезти.

Сириус рассмеялся.

— Ракет? Хвостик, ракеты неуклюжи, дороги в эксплуатации и чрезвычайно опасны. Конечно же, человеческий разум ничего лучшего для путешествий в Космосе не придумал. Но у звезд иной разум. Звезды в Космосе живут. Так что если вы решитесь отправиться со мной, путешествие будет простым и коротким.

— Нам что, нужно только очень высоко взлететь? — спросила Миссис.

— Вот именно, Миссис. Просто очень-очень высоко взлететь. Все очень просто.

— А если кто-нибудь передумает на полпути? — спросила Миссис.

— Не успеет. Тот, кто решит перенестись на Собачью Звезду, окажется там в ту же секунду.

Миссис окинула взглядом толпу на Трафальгарской площади. Наверняка здесь кому-то захотелось на Звезду. В таком случае, они, видимо, должны были сейчас исчезнуть. Разве нет

Сириус прочел ее мысли.

— Вы должны все вместе принять одно решение, Миссис. По крайней мере, большинство из вас. Иначе все останется, как было. Ваше будущее зависит от решения большинства.

«Просто как на Парламентских выборах», — подумала Хвостик, снова вспомнив своего премьер-министра. И решила, что ни за что его не бросит. Хотя, если вдруг большинство решит покинуть Землю, ей придется отправиться с ними. Что же тогда будет с премьером?

И Сириус снова отозвался на ее мысли.

— Премьер-министр, как и все остальные — и люди, и животные, которые сейчас спят, — завтра просто проснутся в мире без собак. Они даже о вас не вспомнят.

— А как же наши поводки и ошейники, корзинки, коврики, домики, разве они им о нас не напомнят? — спросила Хвостик.

— Над этим придется поработать, — сказал Сириус. — Хотя, возможно, проще их не будить. Пусть себе спят вечным сном.

Хвостик не раз слышала, как премьер-министр говорил, что с удовольствием проспал бы целую неделю, но вряд ли он захотел бы спать вечным сном. И что это за жуткая мысль — Земля крутится, вертится, а все ее жители спят...

Сириус прервал ее размышления:

— Конечно, мы их разбудим. Я знаю, многие из вас любят людей. Ваша преданность достойна восхищения, и я вас понимаю, потому что я не только Властелин Звезды, я и сам собака. Вот смотрите!

И тут со звездой, сиявшей на верхушке Колонны Нельсона, начало происходить что-то странное. В ее центре возникла фигура. Хвостик сначала было подумала, что это стало видно адмирала Нельсона, но, приглядевшись, поняла, что фигура собачья. И собака эта была белая с черными пятнышками.

— Папа! Мама! Посмотрите! — воскликнула Хвостик.

Понго и Миссис посмотрели, куда она показывала, и увидели там Далматинца! Но не успели они похлопать глазами, как рядом гаркнул Генерал:

— Разрази меня гром, это же пастушья овчарка!

Тут послышались и другие голоса. Все собаки — и те, что сидели возле Национальной Галереи, и дальше на площади, — каждая увидели в звезде собаку, и каждая свою, то есть той же породы, какой была сама.

Хвостик недоуменно сказала отцу:

— Что это с ними такое? Они что, не видят, что это Далматинец? Не понимаю.

А Понго понял сразу. Когда-то давно он слышал от мистера Душечки про человека, который стал для всех людей *всем**. Значит, эта звезда, то есть Властелин Звезды по имени Сириус стал *всем* для собак... Вернее, стал всеми собаками в глазах всех собак. Хорошо ли это, Понго точно не знал, но решил, что да, потому что о том человеке мистер Душечка говорил с большим уважением. А еще потому, что Сириус и впрямь был Собачьей Звездой.

Видение исчезло, над Колонной снова засиял чистый свет и зазвучал голос Сириуса, в котором теперь послышались немногие заискивающие нотки.

— Теперь вы знаете, почему я вас так хорошо понимаю. И вы запомнили то ощущение блаженства, которое я вам подарил. Так разве вам не хочется снова его испытать?

* Послание к коринфянам 9 : 22.

— Хочется, конечно, хочется, — раздались голоса на площади.

— Но, видимо, кто-то в этом не уверен, — сказал Сириус.

Миссис сказала:

— Ничего подобного. Я абсолютно уверена в том, что хочу еще немножко блаженства, но лишь в том случае, если мне ради него не придется никуда лететь. Я ни за что не брошу своих Душечек. Ни за что.

— И я тоже, — сказал Понго.

Был ли он в этом уверен так же, как Миссис? Понго вдруг понял, что нет. И ужасно смутился, хотя сам не знал, почему. Он знал лишь то, что знает любой: собака не бросает друзей.

Генерал, до сих пор ни разу не обратившийся напрямую к Сириусу, сказал:

— Послушайте, сэр. Раз уж я вы показали нам свою суть, то теперь мы можем поговорить как собака с собакой. И поскольку уж вы нашей породы, то должны понять: у меня есть определенные обязательства не только перед людьми, но и перед овцами.

— Овцы не будут скучать. И нуждаться в тебе не будут, — сказал Сириус. — Люди тоже — не будут скучать и не будут нуждаться. Все они просто о вас забудут.

— А что будет с Томми и с другими почетными собаками? — сказал Генерал.

— Это зависит от них, — ответил Сириус. — Спроси сам, чего они хотят.

Ни Томми, ни кошки его слов не поняли, и Генералу пришлось перевести.

Томми принял решение мгновенно.

— Я лечу с вами. Я хочу стать исследователем Космоса.

— А мы нет, — хором ответили кошки, и пестрая миссис Прутник сказала Генералу, что хватит тут болтать глупости, а Белая сказала что-то не совсем вежливое о звездах, которым следует знать свое место, а не носиться по небу туда-сюда.

Вероятно, Сириус не очень хорошо знал кошачий язык, потому что сказал на это:

— В таком случае, Томми летит с нами, а кошки остаются. Значит, этот вопрос мы уладили. А теперь я хочу знать ваше мнение.

Ответом ему был тысячеголосый лай. Шум поднялся ужасный, и каково мнение большинства, никто не понял. Одни хотели лететь, другие не хотели. Кому-то нужно было время, чтобы все обдумать, кто-то сказал, что не знает, что и сказать. Вдруг один очень горластый пес гавкнул:

— Пусть решат Понго, Миссис и Хвостик. Мы им доверяем. Они весь день нам подсказывали, что делать. Вот пусть и сейчас подскажут.

Все собаки залаяли хором:

— Да! Верно! Правильно! Пусть решат Понго, Миссис и Хвостик!

Понго совершенно растерялся. Он привык принимать важные решения в тишине и покое, а здесь стоял невообразимый шум. А кроме того, его смущало присутствие Властелина Звезды, ослепительного и восхитительного. Вот если бы Сириус оставил их хоть ненадолго и дал возможность сбраться с мыслями!

Каким-то волшебным образом Сириус его понял и сказал:

— Что ж, Понго. Ты можешь пойти в Национальную Галерею и там спокойно подумать. Возьми с собой Миссис и дочь, и вообще кого захочешь.

— Сколько у нас есть времени? — спросил Понго.

— Один час. Сейчас уже почти час. Когда Биг-Бен пробьет два, вы должны будете сообщить мне о своем решении. А сейчас мне лучше вас покинуть, чтобы вам не казалось, будто я пытаюсь оказывать на вас давление.

Свет начал меркнуть и вскоре померк. Толпа на площади проводила его тяжким вздохом, и Понго

понял, что это означает. Собакам не хотелось расставаться со своей звездой. Ему, как оказалось, тоже. Понго чувствовал себя сейчас примерно так, как когда Душечки уезжали, а его оставляли дома, с той разницей, что сейчас это было во много раз острее. И когда только он успел полюбить эту звезду... И неужели же больше, чем Душечек?

Свет над Колонной погас, и снова стало видно Нельсона, снова засияли окна, уличные огни и звезды.

Хвостик первая вспомнила о деле.

— Папа, кого мы возьмем на совет? Должны ли с нами пойти члены Кабинета?

— Разумеется, пусть идут, — вежливо сказал Понго, хотя днем члены Кабинета показались ему не слишком толковыми. — И все наши тоже.

После чего он обратился к толпе на Трафальгарской площади.

— Прошу сохранять тишину, иначе мы сами себя не услышим. Помните, мы попытаемся найти лучшее для всех решение, но, если у кого-то есть что сказать, пусть придет к нам и скажет.

Какой-то пес громко пролаял в ответ на его слова:

— Я считаю — и думаю, со мной согласятся многие, — без Сириуса хуже. Одиноко как-то без него.

— Да! Вот именно! — залаяли собаки.

— Я сам чувствую то же самое, — признался Понго.

Но значит ли, что все они хотят лететь к Сириусу? Тут Понго велел себе не спешить с выводами. Возможно, это был еще один трюк звезды. Он, конечно, сказал, что на время исчезнет, чтобы не влиять на их решение, но как знать, может быть, он исчез как раз с тем, чтобы дать им почувствовать, как его не хватает, а ведь это и есть попытка давления, к тому же еще какая!

Двери Национальной Галереи распахнулись перед собаками. Понго, Миссис и Хвостик, медленно ступая, вошли внутрь, остальные последовали за ними. Куранты пробили час.

Может статься, подумал Понго, это их последний час на Земле. Может быть, через час они уже будут лететь к своей далекой Звезде.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Решение

Понго ни разу в жизни не был в Национальной Галерее. Собак в музеи не пускают, и он всегда из-за этого огорчался, потому что ему нравилось разглядывать картины. Но сейчас, к сожалению, ему было некогда ими любоваться.

Далматинцы прошли через тускло освещенный вестибюль и поднялись по широкой лестнице в длинную галерею. Там было так же, полутемно, как внизу, но оттуда виден был арочный свод, где...

Понго не поверил своим глазам. Он увидел там лошадь и всадника, и те не спали. Неужели люди начали просыпаться? Значит, скоро они вернутся к своим обязанностям, и собакам больше не придется решать мучительные вопросы.

Тут Понго сообразил, что смотрит на картину — это были не настоящие лошадь и всадник, а боль-

шая картина. Хотя в каком-то смысле они — и лошадь, и всадник — были все равно живые. Понго не взялся бы объяснить, почему он так думает. Возможно, они просто были очень похожи на настоящих. Лошадей Понго любил.

Когда все расселись на натертом до блеска паркете, Понго предложил устроить голосование. При голосовании выяснилось, что только кошки и Томми знают, чего хотят. Томми хотел исследовать Космос, а кошки хотели домой. Выслушав их, Хвостик сказала:

— Я тоже хочу остаться. Что-то мне не верится, что премьер-министр не заметит моего исчезновения.

Тогда члены Кабинета решили, что если останется Хвостик, то и они тоже останутся.

Потом слово взял Счастливчик.

— Отец, в наших, из Сад-Холла, я уверен, — сказал он. — Мы примем любое ваше с мамой решение.

И Далматинцы дружно одобрили его слова.

— Верно! Так и есть! — закричали они.

А Миссис добавила:

— Дорогой, разумеется, я тоже приму любое твое решение, каким бы оно ни было.

Понго дал слово Генералу, и тот сказал, что он, хотя, конечно, и старый пес, чтобы учиться новым

штучкам, но этот Сириус, похоже, отличный парень, а если Томми решил лететь...

— Хотя я в общем не одобряю такие полеты. Я всегда считал, что Космос должен быть сам по себе, а мы тут все сами по себе.

— Я пойду туда, куда Генерал, мне все равно куда, — гаркнул Джек-Рассел..

— Спасибо, приятель, — отозвался польщеный его преданностью Генерал.

Понго перевел взгляд на Страффордшира.

— Знаешь, друг, мне такие вопросы не по зубам, — сказал тот. — Космос-Мосмос... Да когда я лежу у камина, да после хорошего ужина, я там чувствую та-акое блаженство, что куда там вашему Сириусу. Хотя сам он и мне понравился.

Еще бы не понравился, подумал Понго. Он-то знал, что Страффордшир видел в нем Страффордшира.

Хвостик сказала деловито:

— Папа, твоих Далматинцев здесь больше, чем моих министров, потому решать тебе. Если, разумеется, нашего большинства будет достаточно и вопрос не будет решаться общественным голосованием.

— Забудем пока о голосованиях, — сказал Понго. — Сейчас каждый должен решать только за себя.... Вот ты, дочь, будешь ли ты против, если я захочу улететь?

— Не знаю, папа. Собственно говоря, мне и самой туда хочется, но... только если я полечу с чистой совестью. А как я могу лететь с чистой совестью, если не могу бросить премьер-министра.

«Значит, решать действительно мне, — подумал Понго, — а я понятия не имею, что тут правильно». Ему до сих пор не верилось, что ему в самом деле нужно принять решение, улетать собакам с Земли или нет. Но ведь даже если о них не вспомнят, разве сам он сможет здесь кого-то забыть, разве не будет скучать? Конечно, будет. А его все равно так и подмывало согласиться. Почему? Он вспомнил, как однажды миссис Душечка прочла стих, где были слова: «Вздыхания собаки о звезде» (миссис Душечка сказала не «собаки», а «мотылька», но она наверняка оговорилась)*. Неужели, собаки и в самом деле всегда мечтали о звездах?

Как же ему сейчас хотелось с кем-нибудь посоветоваться! Понго посмотрел на портрет и подумал, хорошо бы эта лошадь оказалась живой и с ней можно было бы поговорить. Среди лошадей встречаются на редкость умные особы. Он вспомнил, как их с Миссис и щенками спасла именно

* Струочка из стихотворения Перси Биши Шелли One Word Is Too Often Profaned — the desire of the moth for the star. В русском переводе В. Микушевича: «Нет, словом подобным играть Я больше не стану», К. Бальмонта: «Слишком часто подобное слово людьми осквернялось».

лошадь, когда их хотели поймать цыгане. Но лошадь оставалась нарисованной ... Хотя, как ни странно, от ее присутствия все равно почему-то стало немного легче.

В эту минуту снизу из вестибюля раздался мощный собачий бас:

— Понго, где вы?

Понго сразу его узнал.

— Мы здесь, сэр, на втором этаже.

Через несколько секунд в галерею стремительно ворвался Большой Датский Дог, мчавшийся от самого Хэмпстеда. Он появился не один. На спине у этого гиганта сидело крохотное создание. Кажется, белый котенок... Нет, кажется, белый щенок. Хотя выражение глаз у него было совершенно взрослым. Неужели на свете бывают такие крохотные собачки?

— Просто замечательно, что вы пришли, — сказал Понго.

Генерал, мгновенно определив в прибывшем равного по званию, встал и приветственно вильнул хвостом.

— Это всё вы! Это вы надоумили меня научиться летать, — отвечал Большой Дог. — Полдня тренировался. Теперь умею взлетать с места.

— Называется высокий взлет, — сказала Миссис. — Это я его придумала.

— А у меня это вышло случайно, когда я чуть не потерял своего приятеля. Не считите за младенца. Вполне взрослый трехлетний пес — Чихуахуа. Звучит по-дуряцки, но ничего не поделешь, так, Сэм? Мой друг. Спим на одной подстилке... Греет, как грелка. Ладно, ближе к делу. Понго и Миссис, наконец-то мы с вами встретились. Вас я тоже знаю, — сказал он Генералу и вильнул хвостом. — Бывало, перебрасывались новостями. Надеюсь, еще поболтаем, когда все закончится.

— Хотелось бы знать, чем, — вставил Понго.

— Неужели у вас есть какие-то сомнения? Неужели еще не решились послать эту звезду туда, откуда пришла?

— Не совсем...

Датский Дог не дослушал.

— Я так и знал, так и знал! Мы с Сэм вышли на Пустошь, и я так ему и сказал: «Одурачат их там на Трафальгарской площади, одурачат!». Толпу всегда дурачат, всегда! В толпе тебя так обрабатывают, что своя голова уже ничего не соображает. Я-то знаю, я-то уже давно живу под одной крышей с профессором, который как раз занимается подобными вещами. Он частенько рассуждает вслух. Так что, пользуясь новой терминологией, вы стали жертвами массовой истерии.

Миссис была шокирована. Собаки так же, как люди, подвержены истерии, и Миссис боялась даже самого этого слова, считая, что и от слова можно заразиться. Она занервничала.

— Но ведь то изумительное блаженство, которое мы испытали на площади, не могло быть истерией?

— Я вам объясню, что это за блаженство, дорогая Миссис, — сказал Датский Дог. — Это просто трюк. Сначала вас собирали на площади, дали время освоиться, потом погасили свет... Уверен, когда погасли даже звезды, испугались все... А потом появился он и вернул вам свет. Само собой, все почувствовали облегчение, и он всем понравился. Отлично обставил свое появление.

— То блаженство не сравнить с просто облегчением, — сказал Понго.

— Да хоть бы и не сравнить, — ворчливо сказал Датский Дог. — Парень, видно, большой хитрец.

— Мне он не показался хитрецом, — возразил Понго. — Я сам чувствовал, как он нас любит.

— Да что уж. Поначалу он и нас с Сэмом одурачил. Но мы всё поняли, когда он представился собакой. Я увидел Датского Дога, а Сэм — Чихуахуа. Это мало того, что глупо, это нечестно. Насколько я понимаю, тут все его видели — каждый собакой своей породы, так?

По галерее разнесся взволнованный шепот.

— Я не стал бы называть это обманом, — сказал Понго. — По-моему, он лишь хотел показать, что способен влезть в шкуру каждого из нас кем бы мы ни были.

— Разве ты не знаешь, как говорят про двуличных людей? — сказал Датский Дог.

— Я-то уж точно не имею понятия, — сказала Миссис. — Я даже не знала, что у кого-то бывает два лица.

— Двух лиц ни у кого не бывает. Так называют лживых и неискренних людей, — торопливо объяснил ей Понго.

— Вот именно, — сказал Датский Дог. — Так что Сириус, надевший на себя личину тысячи собак, даже не двуликий, а тысячеликий. Можешь думать, что он был искренним, а я так не считаю.

Хвостик решила, что Датский Дог немного преувеличивает. И сказала самым независимым тоном, на какой была способна:

— Позволено ли будет и мне вставить слово?...

— Это еще кто? — сердито оглянулся на нее Датский Дог.

— Моя дочь.... В настоящее время наш премьер, — сказал Понго.

Датский Дог мгновенно превратился в галантного поклонника.

— Неужели же Хвостик? Знакомство с вами большая честь для меня. Вы необыкновенно умная собака. Уверен, уж вы-то не хотите лететь к звезде.

— Собственно говоря... Да! Не хочу! Но, на мой взгляд, вы несправедливы. Сириус сказал, что пришел, чтобы спасти собак от Бомбы, но Бомба и в самом деле реальная угроза. Люди постоянно об этом говорят.

— В том числе мой профессор, — сказал Датский Дог. — Но с чего этот Сириус решил, будто его звезда надежное укрытие. Мой профессор, например, говорит, что следующая война начнется в Космосе, и мы будем следить за ней по телевизору. Сейчас уже почти два. Пора дружно сказать этому парню: «Сириус, отправляйся восвояси». Понго, неужели ты не хочешь этого?

Понго и сам уже подумывал о том же. Ощущение горя и одиночества, навалившееся на него после исчезновения Сириуса, к тому времени успело ослабеть, а вот желание снова увидеть Душечек окрепло. (На самом деле ему, конечно же, никогда не хотелось их бросить.) Понго даже почувствовал, что любит весь этот огромный, сложный мир, где прожил свою жизнь. Но ему не хотелось верить, что Сириус вел с ними нечестную игру. Он помнил, каким горестным вздохом про-

водили звезду собаки на площади. Потому Понго спокойно сказал:

— Сэр, дело не в том, чего хочу я. Сейчас речь идет о судьбе многих собак. И я почти уверен, что этим многим было бы лучше последовать за Сириусом.

— Понго, — сказала тут Миссис, — по-моему, кое-кто из этих самых, из многих желает с тобой поговорить.

Тут все заметили, что из-за колонн выглядывают три беспородных собаки — две маленькие, одна большая. Вид у них у всех был довольно жалкий, и они явно нервничали. Понго немедленно попросил их подойти, и когда те вышли из своего укрытия, увидел, до чего они тощие. Особенность бросилась в глаза худоба крупного пса. У него была такая благородная голова, такие умные глаза, что, даже несмотря на давно свалившуюся грязную шерсть, было сразу понятно, что, если его откормить и расчесать, он был бы настоящим красавцем. В этой троице он явно был главным и шел немного впереди.

Понго поздоровался и спросил, что их привело в галерею.

Отвечал крупный пес.

— Мы хотели бы поговорить с вами от имени наших дворняг. Среди нас есть приютские, есть

бездомные. Некоторые не смогли придти, потому что у них нет сил. Таких, как мы, на Трафальгарской площади всего около сотни, а еще мы посоветовались со своими по дальней связи... Сегодня, знаете ли, всем доступна дальняя связь... В общем, у нас есть свое мнение. Вы пригласили сюда каждого, кому есть что сказать, вот мы и пришли.

— И правильно сделали, — сказал Понго.

Он сказал это как можно мягче, чтобы подбодрить бездомных делегатов, но сердце у него ёкнуло. Датский Дог почти его убедил отказаться от путешествия. Но что делать, если эти бедняги не согласятся с его доводами? Разве они захотят остаться и продолжать влакить свое жалкое существование?

— Благодарю, — ответил костлявый бродяга. — Для начала хочу заверить, что мы все восхищены Сириусом. Мы до глубины души благодарны ему за этот восхитительный день. Среди нас многие не помнили, что значит не чувствовать голода. Мы не чувствовали его целый день и на целый день перестали быть бродягами, потому что в каком-то смысле сегодня все собаки стали бездомными. То есть я хочу сказать: сегодня каждая собака осталась одна, без своих людей. Мы на целый день забыли про зависть. Мы

благодарны ему за это и никогда не забудем такого подарка!

— Значит, вы решили последовать за ним? — спросил Понго.

— Конечно, нет! — ответил бродяга.

— Нет! — хором крикнули две собаки поменьше ростом.

— Почему? — изумился Понго.

— Мы живем здесь, — сказал костлявый пёс. — И хотим прожить свою жизнь здесь. Пусть у нас нет семьи, но есть надежда. В конце концов, многие попадают в приют, откуда добрые люди берут их домой. Большинство из нас знает, что такое лишиться дома. Пусть нас там не любили и мы оказались на улице. Но мы-то любили своих людей и хотим снова кого-нибудь полюбить.

— Вы могли бы полюбить Сириуса, — сказал Понго.

— Это совсем другое, — сказал бродяга. — Сириус для всех. А мы хотим любить кого-нибудь своего.

Датский Дог сказал на это ласковым голосом:

— Надеюсь, вы найдете своих. Вы этого заслуживаете. А теперь, скажи-ка мне, Понго, помогла ли тебе эта речь принять решение или нет? Его пора принять!

Датский Дог был прав. Часы на башне начали отбивать два, и с первым боем курантов площадь залило светом. Понго видел, откуда шел этот свет. На верхушке Колонны Нельсона вновь зажглась сияющая звезда. Едва Биг-Бен смолк, как послышался уже знакомый мелодичный голос:

— Понго, я здесь!

— Пусть уйдет! — сказал Датский Дог.

— Пусть придет в другой раз, — сказал бездомный бродяга.

Понго, Миссис и Хвостик спустились по широкой лестнице, и все, кто был в галерее, двинулись за ними следом. Но, даже стоя в ярких лучах звезды между колонн портика, Понго не знал, что сказать. Нет, он конечно, уже понимал, что должен отказаться следовать за Сириусом, но не знал, как это облечь в слова, чтобы не обидеть звезду и не выглядеть мамлей. Стоя лицом к лицу перед сияющим светом, он никак не мог их найти.

Но долго страдать ему не пришлось. Потому что Сириус, умевший читать собачьи мысли, уже и сам все понял. И его громовой голос прозвучал из самой глубины его сердца:

— Значит, ваш ответ — нет.... Это ответ не только Лондона. Мне слышно каждый собачий голос в каждом, самом далеком уголке света. Теперь я вижу, что иного ответа и быть не могло. Собаки

слишком близки человеку, и собаки не предают. Да, я по-прежнему не считаю, что люди заслуживают такой преданности, но я восхищаюсь ею. Видимо, в людях все-таки есть что-то хорошее, если они вызывают к себе такую любовь. Что ж, собаки, желаю вам никогда не пожалеть о своем решении!

— Сэр, я в вас ошибался, — признался Большой Датский Дог.

— Тем не менее, ты был прав, назвав меня тысячиеликим, — ответил Сириус. — Когда я вновь уйду в Дальний Космос, я буду там один, но я буде утешать себя тем, что я сам был и есть собака каждой породы. Я буду представлять себе себя то в одном облике, то в другом. Воображение порой бывает сильней реальности, хотя разговор не об этом. Вернемся к делу. — В его глубоком мелодичном голосе появились деловитые интонации. — Все собаки должны вернуться домой до восхода солнца, потому что когда оно взойдет, вы утратите способность летать и открывать двери.

— Некоторые прибыли издалека, — напомнил Понго.

— Помню. Все попадут домой вовремя, если по пути никуда не свернут. Помните, когда вы окажетесь дома, ваши новые способности исчезнут. Теперь — без паники. Расходитесь организован-

но. Сначала с площади уходят те, кто стоит ближе к краю. Ты, Понго, со своим отрядом уйдете последними.

— Но как же мы найдем дорогу в темноте? — обеспокоенно спросила Миссис.

— Все, что вам нужно, чтобы не заблудиться, это просто думать про дом и никуда не сворачивать. Всё, мне пора. Мой дом дальше, чем ваш.

Понго смотрел, как звезда, не теряя яркости, вдруг начала удаляться.

— Увидим ли мы тебя еще когда-нибудь? — громко крикнул Понго.

— В середине лета, в дни, когда наступает Собачья Жара. Если вы обо мне вспомните, я засияю для вас еще ярче.

— Мы никогда тебя не забудем, — на разные лады залаяли собаки.

Звезда стала меньше, потом еще меньше, и они залаяли:

— Прощай, Сириус! Прощай!

— Прощайте! — долетело до них из глубин звездного неба, а потом все услышали какой-то странный звук, немного похожий на шелест листвьев.

— Что это такое? — спросила Миссис.

— По-видимому, вздох одинокой звезды, — ответил Понго.

Теперь на железном плече у Адмирала Нельсона лишь крохотный слабый отблеск. А через несколько секунд исчез и он. Трафальгарская площадь погрузилась в полную темноту. Но прошло совсем немного времени, и в небе стали постепенно видны обыкновенные звезды (если звездыываются обычными). И тогда Датский Дог и Генерал — оба в один голос — напомнили Понго, что времени у них не так много пора расходиться.

— Вы же Генералы, вот вы и командуйте, — ответил Понго, которому было до того грустно, что он утратил привычную бодрость духа.

Грустно было и Миссис с Хвостик.

— Бедный Сириус! — вздыхали они. — Бедный одинокий Сириус.

Понго положил голову Миссис на плечо, чтобы ее утешить, а Клякса положил голову на плечо Хвостик, чтобы и ее тоже утешить, а оба Генерала принялись, расчищая площадь, громко отдавать команды. А к тому времени, когда площадь опустела, Понго окончательно пришел в себя — что было очень кстати, потому что ему предстояло вести свой отряд домой. Вспомнив об этом, он подумал, как было бы хорошо, если бы Сириус догадался позаботиться и о Тракторе с Томми и кошками, на прощание придав Трактору хоть какую-то полетную тягу.

— Придется нам постараться, — сказала Миссис. — Будет просто ужасно, если Томми к восходу не попадет домой.

— Будет ужасно, если и мы не попадем домой, — сказал Понго. — Но не беспокойся, дорогая Миссис, успеем.

Но все ли? Он не хотел говорить и лишь надеялся, что Миссис не сразу вспомнит о том, о чем забыла из-за ночных волнений, иначе ее будет не увести из Лондона. Пудинг так и не появился. Где ты, Пудинг, где ты?

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Наперегонки с солнцем

Как только площадь опустела, Хвостик заторопилась на Даунинг-стрит, чтобы ее отсутствие не испугало премьер-министра, у которого была привычка просыпаться среди ночи. Хвостик нежно попрощалась с семейством, особенно с Кляксой, и пообещала в Собачий Час почаше давать о себе знать.

— Надеюсь, мы скоро снова тебя увидим по телевизору, — сказал Клякса.

— Разумеется, увидите. А премьер-министр обещал, что в следующий раз, когда он уедет за границу, меня отправят в Сад-Холл, так что мы расстаемся ненадолго.... Вот было бы весело, если бы он проснулся, а мы все все!

— Нам будет весело, когда мы вернемся и проснутся наши Душечки, — сказал Понго.

— Да, Душечки — милые-премилые, — сказала Хвостик, хотя мысленно уже неслась домой, к своему милому-премилому премьеру.

Рас прощавшись, она убежала, а следом за ней и все члены Кабинета. Страффордшир умчался в свой Сент-Джеймс-Вуд, а Большой Датский Дог, условившись с Генералом оставаться на связи, огромным прыжком взвился в воздух, унося на спине малыша Чихуахуа по имени Сэм. Этот Сэм, кстати сказать, успел подружиться с Джек-Расселом, который его очень даже оценил, хотя, в первую очередь, за то, что при нем чувствовал себя большим и сильным. Трое делегатов от бездомных в компании своих приятелей отправились в Собачий Приют в Баттерси. Они очень надеялись туда попасть вовремя, потому что в Баттерси и кормят отлично, и там для своих питомцев действительно ищут семью.

Понго кликнул своих Далматинцев. Томми вместе с кошками, Генералом и Джек-Расселом забрались на Трактор, а Далматинцы встали за ним в шеренги по двое.

— Миссис, пора, — сказал Понго.

Он прекрасно понимал, что построй он сейчас Далматинцев, как раньше, в шеренги по четыре, Миссис немедленно заметит, что Пудинга нет. А так, возможно, заметит не сразу. Потому он

и велел всем, кто не подталкивал Трактор, встать за ним и за Миссис и скомандовал:

— Быстрый взлет! Направление на Саффолк!

Поразительно, до чего быстро опустел Лондон. На его улицах теперь можно было лишь редких любопытных зевак, сидевших у своего порога.

— Какой разительный контраст по сравнению с утром, — сказал Понго. — Дорогая, надеюсь, ты рада, что мы возвращаемся?

— Конечно, рада, Понго, — ответила Миссис. — Хотя... по-моему, что-то не так. Но не могу сообразить, в чем дело.

— Выбрось из головы, — твердо сказал Понго. — Сосредоточься на взлете.

— Хорошо, Понго, — ответила Миссис, но голос у нее был встревоженный.

Понго сказал:

— Прошу тебя, дорогая, постарайся в воздухе не думать о том, что у тебя что-то не так. Если ты вдруг остановишься, остановятся и все, кто летит за тобой, и на них может упасть Трактор. Пожалуйста, будь добра, думай только про дом и Душечек.

— С большим удовольствием! — ответила сразу повеселевшая Миссис.

И она думала только о доме с такой силой, пока они не долетели до пригородов. Там ею сно-

ва овладело беспокойство, но Миссис снова не понимала, в чем дело. Только лишь чувствовала, что причина ее беспокойства очень важная.

Понго заметил, что ее полет замедлился.

— Прибавь скорости, дорогая, — крикнул он. — Думай о доме.

О доме... Какая-то мысль крутилась в голове у Миссис. Дома хорошо. Дома они, наконец, сберутся всей вместе. Все вместе А где же Пудинг? Так вот что у них было не так. Как она могла забыть?

Миссис ахнула, едва свалившись на дорогу, но Понго подстегнул ее:

— Миссис, не отставай! Держи темп! В чем дело?

Она сказала про Пудинга.

— Мы должны вернуться.

— Нет, Миссис, — твердо сказал Понго.

— Мы не можем его бросить. Пожалуйста, давай остановимся. Мне нужно с тобой поговорить.

Понго понял, что так она все равно далеко не улетит. Ничего не случится, если они отдохнут несколько минут. Он отдал команду:

— Замедлить шаг! Останавливаемся!

Когда все благополучно приземлились, Понго объяснил, почему им нельзя возвращаться.

— Пудинга в Лондоне мы все равно его не найдем. И сейчас мы должны всех вернуть домой.

С восходом солнца мы утратим способность летать, и тогда, чтобы попасть домой, придется бежать много миль по земле.

— Но восход еще не скоро.

— Скоро. Летние ночи короткие. Не забудь: Сириус предупреждал, что нужно лететь прямиком домой и никуда не сворачивать. Миссис, с Пудингом все будет в порядке. Рано или поздно они с Джорджем вернутся на Даунинг-стрит, а там его никто не обидит.

— Там решат, что он ничей. Он без ошейника, а Хвостик не сможет им сказать, что он ее брат.

— Она как-нибудь даст это понять, — сказал Понго.

Миссис печально покачала головой.

— Мы можем никогда его больше не увидеть... Нет, я должна знать, что он, по крайней мере, жив и здоров. Давай спросим у Хвостика, не вернулся ли он к ней.

Миссис громко залаяла, вызывая дочь, но ответом ей был лишь лай нескольких местных собак.

Понго сказал:

— Боюсь, мы уже не сможем с ней связаться. Пора в путь.

Ночное небо начинало сереть. И Понго не на шутку встревожился. Он не знал, когда именно

они потеряют способность летать: когда только увидят солнце или когда совсем рассветет?

— Пожалуйста, всего разок, — взмолилась Миссис. — Помоги мне!

— Мы все тебе поможем, — сказал Понго и скомандовал: — Хором, вместе с Миссис зовем Хвостик. Три раза. Начали!

Лай поднялся оглушительный. Но ответом была полная тишина.

— Миссис, мы сделали что могли, — ласково сказал Понго и велел всем приготовиться к взлету.

— Подождите! — вдруг закричала Миссис. — Понго, слушай!

Понго прислушался и сказал:

— Это просто какая-то собака, которая от нас примерно в миле пути.

— Это не какая-то собака. Это Пудинг.

Понго снова прислушался. Голос в самом деле походил на голос Пудинга.

— Сынок, дорогой мой! — залаяла Миссис. — Где ты?

Теперь уже все расслышали ответ.

— Мама, я здесь... лечу изо всех сил. Пожалуйста, подождите меня!

Пестрая кошка, сидевшая на Тракторе, громко мяукнула:

— Я его вижу!

И секунду спустя сверху на них свалился Пудинг, сбивая всех с ног налево и направо. Наконец он затормозил, едва не врезавшись в родителей.

— Где ты был? — воскликнула Миссис.

Но Понго перебил:

— Дома расскажешь. Сейчас становись между мной и мамой. Всем приготовиться! Быстрый взлет!

Счастливая Миссис несколько минут молча летела рядом с сыном, а потом шепотом спросила:

— Пудинг, ты не устал? Мы не слишком быстро несемся?

— Это чепуха по сравнению с тем, как я несся за вами, — тоже шепотом ответил Пудинг.

— Не шептаться! — прикрикнул на них Понго. — Берегите дыхание.

Он понимал, что для лёта дыхание не так нужно, как для бега, но не хотел рисковать — вдруг им под конец придется бежать, — так что силы нужно беречь.

Вскоре Лондон остался позади. Далматинцы поняли это сразу по свежему запаху, исходившему от земли. Понго с тревогой посмотрел в небо. «Еще ночь», — сказал он сам себе, хотя небо заметно посветлело. Ночью так светятся облака, когда сквозь них светит луна. Но никакой луны сейчас не было, и Понго пришлось признать, что это

медленно, но неуклонно подступает рассвет. Он остановил всех на минутку, чтобы выяснить, нет ли уставших. Уставших не было даже среди тех, кто толкал Трактор.

— Отлично, — сказал Понго. — Миссис! Пудинг! Хватит шептаться! Вперед!

И он первый устремился вперед.

Далматинцы понеслись над полями, как молния. Вскоре они уже летели над Северным Эссеком, а потом внизу показался Саффолк. Но и небо светлело не менее стремительно. Когда показалась Садбери, внизу уже можно было различить дома.

— Быстрее! — торопил Понго.

И все заработали лапами так, что Понго испугался за Миссис.

— Не отстанешь? — крикнул он ей.

— Все в порядке, — крикнула она. — Хотя мне это уже не нравится. Днем было спокойно. А сейчас и ветер проснулся. Боюсь, как бы не сдул мои уши.

Но уши остались при ней и тогда, когда они в последний раз поднялись в воздух, заскочив в деревню высадить Джека-Рассела. (Остальные добровольцы из этой деревни уже давно были дома.)

Через минуту Далматинцы были у фермы.

— Томми, быстро в постель! — скомандовал Генерал. — Трактор оставим на дороге: нет ни минуты лишней. Посмотри на небо, Понго!

(Отец Томми так потом и не понял, кто вывел ночью трактор из гаража.)

Понго поднял голову и с ужасом увидел первую, еще бледную, розовую полоску над горизонтом. Он уже собрался скомандовать: «Быстрый взлет!», как вдруг сообразил, что белая кошка не может этого сделать.

— Забирайся ко мне на спину, — приказал он.
Но та вежливо оказалась.

— В последнее время я что-то разъелась, набрала лишний вес. Тут уже недалеко, так что я просто прогуляюсь. А если ворота не откроются, переберусь по дереву... без всякого Сириуса.

— Тогда... Самый быстрый взлет! — приказал своим Понго.

Розовая полоска в небе стала ярче.

— Быстрей, быстрей! — отчаянно залаял Понго.

Уже показалась ограда Сад-Холла. Закрытые ворота... Как теперь Далматинцы их откроют?

Отряд слетел перед ними вниз.

— Милые, добрые воротики, откройтесь, пожалуйста! — взмолилась Миссис.

Ворота распахнулись, и все увидели, что на лужайке у дома их встречают Принц, Пэдди и все остальные.

— Ах, мы так боялись, что вы не успеете во-время, — сказала Пэдди.

— Вы тоже видели Сириуса? — спросила Миссис.

— Его все на свете видели, — ответил Принц. — Если я его правильно понял, нам всем немедленно нужно вернуться в постель. Двери в любой момент могут закрыться.

Понго кивнул.

— По постелям! — приказал он.

Те, кто жили в бывшей конюшне, бросились туда... И тут Понго заметил, что они бегут. Волшебство заканчивалось.

— А мы — наверх! Быстро! — повернулся он к Миссис.

— Пожалуйста, еще одну минуточку. Я должна знать, что случилось с Пудингом.

Постель у Пудинга была в кухне. Он бежал туда, но, услышав Миссис, задержался.

— А-а! Да мы просто сгоняли в Париж, — сказал он таким тоном, будто летал туда каждый день.

— Нет, это невозможно! — ужаснулась Миссис. Она знала, что Париж за морем. — Понго, дорогой, я должна знать, как это произошло.

Они все стояли у лестницы. Понго велел Принцу и Пэдди подняться наверх и поддержать для них двери.

— Позовите нас, если дверь начнет закрываться. Давай, Пудинг, рассказывай!

Пудинг сказал.

— Это все Джордж. Он всегда мечтал попасть за границу. Министр иностранных дел летает, а Джордж всегда остается дома, потому что на границе есть карантинные правила. А когда я его научил плавать, он сказал, что неплохо бы попробовать перелететь через Канал* мы и перелетели. Запросто. Даже лап не замочили. А потом слетали в Париж, и время там провели классно. Отличная вышла прогулка. Там нам сказали, что в полночь нужно собраться на площади и всем вместе смотреть на небо, так, что мы тоже видели Сириуса. Только у нас он был на верхушке Эйфелевой башни. Он нас заметил, понял, что мы из Англии. И велел нам немедленно возвращаться, а чтобы мы не опоздали, придал нам на дорожку полетной тяги. Потому мы и успели.

— Где тебе больше понравилось, в Лондоне или в Париже? — поинтересовалась Миссис.

— Нет уж, об этом поговорите завтра, — перебил их Понго.

Сверху донесся голос Принца:

— Дверь закрывается!

* Так англичане называют пролив Ла-Манш, который отделяет Англию от материка.

— Наверх, быстро! — рявкнул Понго и подтолкнул Миссис.

Та послушалась немедленно, но всё же успела спросить:

— Ты поладил с французскими собаками?

— Еще как! — крикнул Пудинг. — А видела бы ты, как Джордж вышагивал перед французскими леди. О-ла-ла!

Понго и Миссис стремглав побежали к спальнем Душечек.

— Отпускайте, — сказал Понго.

Принц и Пэдди отпустили дверь, и та немедленно закрылась. Хлопанье послышалось отовсюду. Закрывались все двери — парадная, в кухне, в конюшне. Последними с лязгом закрылись высокие железные ворота.

— Как они крепко спят, — сказала Миссис о Душечках, забираясь в свою любимую корзинку. — Вот они удивятся, когда проснутся, и узнают, что проспали целый день.

— Сомневаюсь, что они это узнают, — сказал Понго. — Скорее всего, никто из людей никогда об этом не узнает. А собаки, наверное, скоро забудут.

Миссис сказала, что она-то никогда не забудет. Пэдди, которая в этот момент укладывалась в своей корзинке, сказала, что и она тоже.

— Наверное, нам скоро начнет казаться, что это был сон, — сказал Принц, тоже укладываясь. — В каком-то смысле, это так и есть. Вот скажи, Понго, разве мог бы Сириус на самом деле разговаривать одновременно со всеми собаками в мире?

— Понятия не имею, — покачал головой Понго.

— А я имею, — сказала Миссис. — В Космосе наверняка нет часов. А там где нет часов, там нет и времени, значит, он мог говорить со всеми когда угодно, а нам казалось, что одновременно. Хотя мне было бы проще думать, что это было обыкновенное волшебство. Волшебство как-то привычнее.

— Да, действительно, — сказала Пэдди.

— Это все и есть обыкновенное волшебство, только называют по-новому: метафизика. Давай спать, дорогая, завтра поговорим.

Миссис вытянулась в своей корзинке и вдруг изумленно открыла глаза:

— Я голодная! Как это мило! Скоро завтрак. Мне конечно понравилось не чувствовать голода.... Это было очень приятно. Но, наверное, я заскучала бы по завтракам... а уж по обедам... И вот что я вам еще скажу. У блаженства есть один минус. Его быстро перестаешь его замечать... О-о, привет!

Белая кошка вспрыгнула на подоконник.

— Совсем как в ту ночь, когда удрала от Круэллы и прибежала к вам.

— Ах, — простонала Миссис. — Меня в дрожь бросает при мысли, что Круэлла тоже скоро проснеться.

— Ну, теперь-то о ее приближении можно будет узнать по звяканью «адешки», — ухмыльнулся Понго. — Давай спать, дорогая.

Белая кошка прыгнула в свою корзинку и хорошенько толкнула мужа. Она его, разумеется, любила, но ведь это не повод позволять ему развалиться на всю корзинку. Но он и ухом на это не повел, а вскоре уснула и белая кошка. Уснули Миссис и Пэдди, уснул Принц. По-прежнему спали крепким сном Душечки. Не спал только Понго.

Он думал о том, как всего лишь накануне мечтал о приключениях. Ну так вот оно и приключилось — новое приключение, — и теперь он от души рад тому, что оно позади. Понго даже представить себе не мог, что когда-нибудь ему снова захочется приключений. До чего у них дома хорошая жизнь! С благодарностью он посмотрела на спавших Душечек.

И перепугался. Почему они не просыпаются? Да, они разговаривали сейчас очень тихо, но обычно Душечки слышал сквозь сон малейший

шепот и тогда строго велят помолчать. Почему же они их не услышали сегодня? Может быть, они теперь никогда не проснутся?

Тут до его слуха донесся восхитительный звук. За окном защебетали птицы. Если птицы проснулись, то и Душечки тоже проснутся. Понго успокоился. И тут сквозь между шторами пробился первый солнечный луч и дотянулся до Душечки. Мистер Душечка приоткрыл глаза, а потом перевернулся на другой бок и снова крепко уснул.

Все хорошо, сказал себе Понго, глядя на поголубевшее небо. На прогулке мистер Душечка говорил, будто Собачья Звезда Сириус появляется на небосклоне одновременно с солнцем, хотя из-за солнца ее не видно. Неужели Сириус сейчас снова на них смотрит? И читает собачьи мысли? На всякий случай Понго послал ему мысленное сообщение:

— Может быть, мы когда-нибудь прилетим к тебе, Сириус. Но не сейчас. Сейчас, видишь сам, у нас тут свое блаженство. Мы тут счастливы.

Понго, в самом деле почувствовавший себя счастливым, перевернулся на спину, будто щенок, да так и уснул, задрав кверху четыре свои огромные лапы.

Оглавление

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Загадочный сон	5
ГЛАВА ВТОРАЯ. Новости с Даунинг-стрит	20
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Что такое «метафизика»	38
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Большой полет	49
ГЛАВА ПЯТАЯ. Заседание кабинета министров.	64
ГЛАВА ШЕСТАЯ. Потрясающие новости	84
ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Звонкая адешка	100
ГЛАВА ВОСЬМАЯ. Голос звезды	113
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. На Трафальгарской площади	131
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. Собачья звезда	142
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. Решение	159
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. Наперегонки с солнцем	176

СЕРИЯ «МОЯ ПЕРВАЯ БИБЛИОТЕКА»

- Д. Смит «101 Далматинец»**
- Д. Смит «Новые приключения Далматинцев»**
- П. Рэде «Прогулка с драконом»**
- П. Рэде «Секрет для дракона»**
- Г. Корнилова «Наш знакомый Бумчик»**
- Д. Харрис «Сказки дядюшки Римуса»**
- Е. Сухова «Приключения Раствяпкина. Опасная правда»**
- Е. Сухова «Приключения Раствяпкина. Власть над миром»**
- Д. Варденбург «Ульяна Караваева. Новые приключения»**
- Д. Варденбург «Ульяна Караваева. Приключения продолжаются»**

Литературно-художественное издание

Для младшего школьного возраста

СЕРИЯ «Моя первая библиотека»

Доди Смит

НОВЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ДАЛМАТИНЦЕВ

Ответственный редактор Евгения Тихонова

Художественный редактор Юлия Колесникова

Корректор Инна Ростовцева

Верстка Людмилы Васильевой

Для чтения взрослыми детям

Подписано в печать 24.03.2016. Формат 84 × 108 1/32.

Бумага офсетная. Гарнитура FreeSet. Печать офсетная.

Усл.-печ. л. 10,08. 1-й завод 3000 экз. Заказ № 0138.

ООО «Книжная лаборатория»

191028, Санкт-Петербург, Литейный пр., д. 22, лит. А, пом 2Н

Тел./факс (812) 313-50-68

Отпечатано в полном соответствии с представленными материалами

в типографии ООО «Чеховский печатник»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Тел.: +7 915 222-15-42; +7 926 063-81-80

!

МОЯ ПЕРВАЯ БИБЛИОТЕКА

После всех приключений, которые пришлось пережить знаменитым Далматинцам, вся собачья семья счастливо жила в огромном поместье со своими хозяевами. Но в одно прекрасное утро собачьи миски оказались пустыми, все лавки и магазины оставались закрытыми, а на улицах города царила странная тишина. По какой-то необъяснимой причине все люди беспробудно спали в своих постелях, и это было очень похоже на колдовство. Старший из далматинцев, Понго, был бы рад, если к этому случаю оказалась причастна злодейка Круэлла де Вил, но как выяснилось, причиной всему был кое-кто более могущественный.

ISBN 978-5-4453-1026-6

9 785445 310266

ERC

6+